

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс
(направленность (профиль))

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему «Грабеж: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации»

Студент

Н.М. Шум
(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, П.А. Кабанов
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Росдистант
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАБЕЖА В РОССИИ.....	8
1.1. Исторические корни и эволюция понятия грабежа по российскому уголовному законодательству.....	8
1.2. Современное уголовное законодательство о грабеже.....	19
ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАБЕЖА	23
2.1. Характеристика объекта и объективной стороны грабежа.....	23
2.2. Характеристика субъекта и субъективной стороны грабежа	43
2.3. Квалифицирующие признаки грабежа чужого имущества и их применение в судебно-следственной практике	54
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ГРАБЕЖА И ОТГРАНИЧЕНИЕ ЕГО ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	63
3.1. Отграничение грабежа от смежных с ним составов преступлений.....	63
3.2. Проблемные вопросы квалификации грабежа в судебно-следственной практике.....	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	78
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	81

ВВЕДЕНИЕ

Для современной России продолжает быть актуальной проблема противодействия преступлениям в сфере экономики, в первую очередь, посягающие на собственность. В условиях экономического кризиса и существенного обнищания большей части россиян, посягательства на чужую собственность, несмотря на предпринимаемые усилия государства по борьбе с ними, не демонстрируют положительной динамики. Не имея возможности иным образом обеспечивать свое существование по причине безработицы и иных факторов, сопровождающих экономический кризис, многие граждане вступают на путь преступного завладения собственностью, пополняя тем самым ряды преступных элементов. Исторический анализ преступности указывает нам на то, что сам уровень преступлений против собственности растет как раз в периоды политических, а также социально-экономических преобразований, которые аналогичны текущей ситуации в нашей стране, неизбежно усложняющих отношения собственности в связи со снижением уровня жизни граждан, обострением криминогенной ситуации, существенной криминализации общества.

Хищения, в особенности, кражи и грабежи приобрели масштаб стихийного бедствия и стали практически привычными спутниками жизни российских граждан. Это не может не беспокоить общество, поэтому борьба с преступлениями против собственности превратилась в одну из актуальных проблем современной юридической практики.

Грабежи относятся к числу наиболее опасных преступлений, посягающих на собственность и, пожалуй, самых опасных после разбойных нападений. Исторически грабежи были наиболее распространенными преступлениями против собственности, поэтому их расследование требует значительных усилий. В России помимо отношений собственности, которые являются основным объектом грабежа, в качестве вспомогательного объекта выступают интересы личности – здоровье, личная неприкосновенность, честь

и достоинство человека, которые также страдают от совершения этих преступных посягательств. Самое опасное в грабежах то, что они сопровождаются открытым и демонстративным поведением преступника по отношению к обладателю имущества, а также нередко – в использовании насилия для достижения поставленной цели, проявляя при этом особую дерзость, а порой и цинизм.

Необходимо отметить, что в мировой практике многими государствами при конструировании уголовно-правового регулирования, аналогично с нашей страной, введен состав грабежа в качестве отдельного запрета. Между тем, такое решение является распространенным, но не единственным в национальной уголовно-правовой практике. В частности, некоторые страны, несмотря на наличие запретов, в целом аналогичных российской конструкции грабежа, тем не менее, не выделяют его в отдельный состав. Зачастую он оказывается размытым между нормами, аналогичными российским хищениям и вымогательствам (к примеру, УК Дании, Испании, а также Японии).

В связи с этим исследование возможных мероприятий по корректировке уголовного закона в части ответственности за грабежи, практики ее применения является актуальным. Сказанное требует дальнейшего осмысления юридических норм, запрещающих грабежи. Этим объясняется выбор темы настоящей работы.

Объектом изучения данной магистерской диссертации являются уголовно-правовые отношения, направленные на предотвращение совершения грабежей уголовно-правовыми средствами. Предмет исследования складывается за счет положений УК РФ¹, предусматривающих уголовную ответственность за совершение грабежа, некоторые составы, смежные с ним, а также научные публикации и практические материалы по данной теме.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Российская газета. 1996. 25 июня.

Целью работы является исследование проблем, связанных с установлением уголовной ответственности за хищение чужого имущества в форме грабежа, а также предложение путей их возможного законодательного решения.

Для достижения этой цели нужно для начала поставить, а затем решить некоторые задачи, а именно:

- рассмотреть эволюцию понятия грабежа в российском законодательстве;
- дать уголовно-правовые характеристики грабежа как формы хищения;
- проанализировать квалифицированные признаки грабежа;
- отграничить состав грабежа от остальных форм хищений;
- проанализировать проблемные вопросы квалификации грабежа в судебно-следственной практике.

Последовательность решения задач магистерской диссертации определила следующую структуру: введение, главы из трёх частей, объединяющие семь параграфов, заключение, список использованных источников и приложение.

Методологической основой работы стали положения и наработки диалектического материализма как общенаучного метода познания: исследование, анализ, синтез, метод систематизации и сравнения полученной информации. Для проведения исследования нельзя было использовать какой-то один из методов познания в сфере уголовного права, так как его было недостаточно. В связи с чем, использовался комплекс, как специальных методов познания, так и общенаучных методов познания в сфере уголовного права. В данный комплекс также входили: формально-логический, статический, системно-структурный и исторического исследования.

Для данной магистерской диссертации хорошей базой стали научные труды не только зарубежных специалистов, но и труды отечественных ученых, которые применяют свои усилия к проблемам уголовно-правового

регулирования ответственности в связи с грабежами. В их числе нельзя не сказать о следующих специалистах: Вдовиченко В.П., Векленко В.В., Геворкова Г.Э., Клепицкого И.А., Кочои С.М., Лопашенко Н.А., Прозументова Е.Л., Прохорова М.И., Сверчкова В.В., Севрюкова А.П., Третьяк Л.И., Тютюнника И.Г., Чернышева Л.В., Шеслера А.В., Яни П.С. и др.

Нормативно-правовую базу настоящей магистерской диссертации составили Конституция РФ¹, нормы уголовного законодательства Российской Федерации, постановления Пленумов Верховных судов СССР, РСФСР и РФ, иные законодательные и нормативные акты, имеющие значение в рассматриваемой области.

Эмпирическая база проведенного научного исследования наполнена статистическими данными, такими как: приговорами, взятыми с СПС «РосПравосудие», материалами судебной практики по уголовным делам о данных преступлениях, опубликованных на официальных сайтах краевых и областных судов Российской Федерации, судебная практика Верховного Суда РФ, а также данными из Главного информационного аналитического центра МВД России.

Теоретическая значимость настоящей магистерской диссертации вытекает из того, что в ней, с учетом современной судебной практики, актуальных научных дискуссий и сформулированных выводов предлагаются отдельные направления по изменению норм УК РФ в части регулирования ответственности за грабежи.

Практическая значимость работы заключается в том, что сформулированные выводы и предложения, а также полученные результаты, можно в дальнейшем использовать в правоприменительной деятельности.

Выводы и предложения данной работы базируются на результатах современных уголовно-правовых и криминологических исследований.

¹Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ, 2014. – № 31. – Ст. 4398.

Структура магистерской диссертации определена ее целями и задачами и включает в себя введение, три главы, семь параграфов, заключение, список используемых источников.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАБЕЖА В РОССИИ

1.1. Исторические корни и эволюция понятия грабежа по российскому уголовному законодательству

На различных этапах формирования, становления и развития российского государства, исходя из избранного политического курса и основных направлений государственной законодательной ориентации, различным было и правовое регулирование вопросов охраны и защиты собственности и интересов собственников, а также иные смежные вопросы. Правоведы считают, что долгое время для данной сферы была характерна неопределённость в регулировании форм, средств и мер ответственности за совершение однородных и даже тождественных посягательств в отношении собственности; не была сформирована правоприменительная практика, наблюдался произвол со стороны судебно-следственных органов в процессе рассмотрения уголовных дел, поэтому отсутствовали единство судебной практики и, следовательно, стабильность в развитии общественных отношений¹.

Между тем, сами по себе такие отношения нуждаются в охране и защите, несмотря на то, что не сформулирован четкий объем правоограничений для нарушителей, не определена однозначно их отраслевая принадлежность. Тем не менее, сами посягательства на собственность известны отечественному правопорядку на протяжении не одной сотни лет. За их совершение на различных этапах российской государственности предусматривались различные меры ответственности, вплоть до самых суровых и членовредительских. Обращает, однако, на себя

¹Токарчук Р.Е. Значение историко-правовых исследований для поиска оптимальных моделей уголовно-правовых конструкций на примере форм хищения / Р.Е. Токарчук. История государства и права, 2015. – 21. – С. 23 - 28.

внимание то обстоятельство, что само определение понятия «хищение» было легализовано в нашей правовой системе недавно – лишь к началу XX в.

Вместе с тем, четко определить данный состав с точки зрения перечисления всех его признаков в тексте уголовного закона оказалось непростой задачей.

Это было под силу законодателю прошлого столетия, имевшему в своем распоряжении совершенные средства законодательной техники. Ранее же выделялись преимущественно лишь формы хищения, которые в отдельные периоды обретали свойства системы, где свое место отводилось и грабежу.

Например, можно заметить, что, начиная еще со времени принятия Псковской Судной грамоты, нашему уголовному правопорядку уже была известна ответственность в связи с совершением как простого грабежа, так и его квалифицированных разновидностей, сопряженных с насильственными действиями (в частности, законодатель говорит о грабеже с боем). Н.В. Стус считает, что упоминание термина «грабеж» можно наблюдать в положениях ст.ст. 1,17, 20, 27, 48, 67, 105 данного документа¹. Следовательно, в тот период в понимании грабежа был сделан акцент именно на насильственное воздействие применительно к пострадавшему и его имуществу, что в определенной мере давало повод для возникновения неразрешимых проблем в разграничении грабежа и разбойных нападений, в которых первоочередное значение отводилось насильственной форме контакта с пострадавшей собственностью.

Не дает четкого разграничения этим составам и Губная Белозерская грамота 1539 г.². Следовательно, к XVI в. пока не удалось сформулировать признаков этих деяний, достаточно четко дифференцирующих их.

¹Стус Н.В. Грамоты как источники уголовно-судебного права Московского государства конца XIV - XVI веков / Н. В. Стус. Российский судья, 2015. – № 5. – С. 40-43.

²Георгиевский Э.В. Уголовно-правовая охрана собственности древнерусской православной церковью / Э.В. Георгиевский. Актуальные проблемы российского права, 2014.– № 1. – С. 33-40.

Первыми удачными попытками в данной сфере можно назвать положения ст. 25 Судебника 1550 г., в которой обнаруживается стремление законодателя разграничить два названных состава посягательств между собой¹. Данная дифференциация решала не только проблемы, связанные с разграничением насильственного и ненасильственного воздействия на собственность, но и задачи, направленные на выделение состава грабежа из числа уголовно-правовых запретов.

Самостоятельность состава грабежа усматривается и в тексте такого памятника права как Соборное Уложение 1649 г.². Хотя прочтение его текста не позволяет точно провести деление форм хищения между собой, что обусловлено отсутствием четкой концепции: в некоторых случаях производилось смешение краж с насилем, грабежей с насилем, которое, однако, самими рассматриваемыми составами не охватывалось. Подобная путаница негативно отражалась на правоприменении, неизбежно порождая ошибки при осуждении. Р.Е. Токарчук пишет, что под разбоем законодатель 17 века подразумевал путь разбойника к совершению грабежа – «разбитие», тогда как само хищение выступало как иное посягательство³.

Продолжая исследование эволюции анализируемого запрета в уголовно-правовых памятниках права, заметим, что принятый 1715 году Воинский Артикул также предусмотрел рассматриваемый состав в своих нормах, причем он упоминается в двух самостоятельных главах – главе 14 «О взятии городов, крепостей, добычей и пленных» и главе 21 «О зажигании, грабительстве и воровстве». На наш взгляд, это говорит о существовании разновидностей грабежей в зависимости от критериев объективного характера. Так, первая из названных глав вводила наказания за грабежи. При

¹Судебник 1550 г. [Электронный ресурс] // URL:http://www.krotov.info/acts/16/2/pravo_02.htm. (дата обращения: 05.11.2019)

²Рожнов А.А. Имущественные (экономические) преступления в Судебнике 1550 года / А.А. Рожнов. Современный юрист, 2016. – № 3. – С. 38-48.

³Токарчук Р.Е. Понятие разбоя в Правде Русской: историко-правовой очерк / Р.Е. Токарчук. [Электронный ресурс] //URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=61081#0> (Дата обращения: 05.11.2019)

этом интересно отметить, что его совершение в условиях военного времени рассматривалось законодателем как настолько тяжкое посягательство, что его приравнивали к разбою с точки зрения наисуровейших санкций. Вторая же глава вводила меры ответственности в связи с совершением насильственного грабежа, к числу которых относились телесные наказания, а также возможность смертной казни. Следовательно, в данном решении прослеживается оценка грабежа как посягательства, находящегося в одном ряду с вооруженными разбойными нападениями, повреждениями здоровья других лиц, а также убийствами¹. Таким образом, степень общественной опасности этого посягательства, по мнению законодателя того периода, была высокой.

Отметим также, что в Воинском Артикуле было реализовано решение о закреплении обновленного разграничения хищений в зависимости от разновидностей на простые (сюда относились кражи либо факты воровства), а также насильственные формы. Среди последней из названных группы можно особо выделить грабительство, хотя сам по себе грабеж как открытое отобрание имущества выступал лишь одной из двух известных насильственных разновидностей посягательства в отношении чужой собственности: «грабить и насилить» либо же «силою отнимать» (о чем говорится в арт. 182), «насильно брать» (чему посвящен арт. 183), «силою ограбит» (арт. 185), «насильно отъимет» (арт. 186).

Следовательно, можно признать, что грабежу отводилось место одного из посягательства на собственность насильственного характера, однако это была не единственная форма такого посягательства.

Со времен Наказа Екатерины II после принятия обновленного Уложения от 08.04.1768 в отечественной правовой системе получило отражение обновленное представление на предмет разграничения хищений на формы, заимствованное из господствовавших на территории Европы того

¹Токарчук Р.Е. Особенности эволюции форм хищения в законодательстве императрицы Екатерины II: историко-правовой очерк / Р.Е. Токарчук. История государства и права, 2012. – № 1. – С. 22-26.

времени представлений, опирающихся на криминологические и уголовно-правовые разработки Ч.Беккариа. Так, в статье 232 Наказа предлагалось разграничивать воровства с точки зрения его «совокупленные с насильством и без насильства». Это было нормативно закреплено и именованным Указом от 03.04.1781 Екатерины II.

В научных источниках можно обнаружить точку зрения о том, что редакторами данного указа была сделана первая в отечественной истории попытка по систематизации рассматриваемых посягательства и определения их признаков. Причем четко прослеживалось выделение открытого и тайного посягательства, как следствие, грабежа и кражи¹.

В продолжение рассмотрения исторических корней грабежа как преступного посягательства отметим, что регулирование по вопросам наказуемости грабежей в более поздний период предусматривалось также и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (принят в 1845г.), которым вопросам грабежей посвящена отдельная четвертая глава из раздела II, а также отделение второе «О грабеже» в рамках главы третьей «О похищении чужого имущества», раздел двенадцатый «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц»².

Законодатель того времени под грабежом мыслил совершение открытой формы похищения в отношении любой чужой собственности, если такие действия совершает виновное лицо при присутствии обладателя имущества либо иных каких-либо лиц, то есть лицо действует в условиях, когда его преступная активность кем-либо визуальна воспринимается.

Ответственность за данное посягательство законодатель подробно дифференцировал, исходя из различных критериев, в числе которых время посягательства, место его выполнения, численность посягателей либо

¹Токарчук Р.Е. Особенности эволюции форм хищения в законодательстве императрицы Екатерины II: историко-правовой очерк / Р.Е. Токарчук. История государства и права, 2012. – № 1. – С. 26-30.

²Егоров А.А. Система религиозных преступлений по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / А.А. Егоров. Актуальные проблемы российского права, 2017. – № 1. – С. 55-62.

соучастников, примененных ими орудий либо средств совершения грабежа, а также отдельных элементов обстановки, в которой складывалось такое преступление (ст.ст. 2139 – 2145).

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что случаи совершения вооруженного грабежа были прямо отнесены к подвиду разбоев (ст.2143), что можно назвать наглядным свидетельством в пользу признания высокой степени общественной опасности данного деяния, если оно совершалось вооруженным лицом (лицами). Такая степень опасности получила объективное закрепление и в соответствующих санкциях.

Следующим памятником права, относящимся к сфере настоящего исследования, является Уголовное уложение 1903 г., которое, несмотря на то, что не стало полноценным регулятором общественных отношений по политическим и социально-экономическим причинам, но все же представляет научную, практическую и познавательную ценность. В частности, как можно увидеть из содержания этого исторического документа, самостоятельность грабежа была поставлена законодателем под сомнение. В ст. 589 все случаи совершения любого насилия – психического, физического – относились в разряд разбоев, не выделяя между ними квалификационных различий.

Получается, что в результате эволюции уголовно-правовой теории и практики, на пороге советского периода, законодатель вновь вернулся к идее о том, что грабеж не может и не должен признаваться самостоятельным подвидом посягательства, он частично поглощен составом кражи, а также частично – разбоя, а потому представляет собой искусственное и ненужное смешение двух названных составов.

Несмотря на вполне качественную проработку нормативного материала на рубеже эпох, в результате смены общественно-политического курса, многим важным идеям теоретиков и практиков того периода не суждено было воплотиться.

Развитие регулирования о противодействии грабежам на протяжении советской эпохи позволяет сказать, что сам по себе термин «хищение», как и соответствующий уголовно-правовой запрет, получил закрепление первым же документом, где советский законодатель предпринял попытку организовать охрану социалистической собственности, – Постановлении ЦИК СССР, СНК СССР от 7 августа 1932 г.¹. Здесь, однако, как можно заметить, в рассматриваемый термин законодатель включил различные посягательства, имеющие своим объектом социалистическую собственность и выступающие как реализация планов по присвоению имущества – государственного либо общественного и поэтому не подлежащего переходу в собственность виновного лица².

Причем предусматривалась возможность наказывать за эту группу преступлений независимо от того, какая именно форма собственности пострадала, в чем можно провести аналогию с современным отечественным законодательством, где по основному составу форма собственности, пострадавшая от посягательства, индифферентна.

Еще более широкое понимание термина «хищение» содержится в Указах Президиума ВС СССР в 1947 г., усиливающих государственное воздействие уголовно-правовыми средствами на защищенность государственного, личного или общественного обладания имуществом.

Между тем, обращает на себя внимание то, что в преддверии принятия первого советского Уголовного кодекса все посягательства на собственность так и не были приведены в четкую и иерархически выстроенную систему. Хотя, справедливости ради, приходится отметить, что определенные попытки к формулировке признаков, дифференцирующих, в частности,

¹Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». // Собрание законодательства СССР., 1932. – № 62. – Ст. 360. – Утратил силу.

²Гаухман Л.Д. К вопросу о понятии хищения / Л. Д. Гаухман, М. П. Журавлев. Уголовное право, 2014. – № 6. – С. 11-14.

грабежи, все же предпринималась. Некоторые из них даже можно назвать удачными с точки зрения их нормативной проработки.

Поэтому научно обоснованная концепция, имеющая своей задачей охрану собственности, все же получила закрепление в текстах УК РСФСР 1922 и 1926 гг., которые знали составы, запрещающие грабежи. Так, рассматриваемое нами посягательство относилось к числу имущественных преступлений. Законодатель указал, что для грабежа было характерно совершение открытого похищения чужого имущества в присутствии лица, в обладании, пользовании или ведении которого оно находилось (на этот счет регулирование содержалось в ст. 182 УК РСФСР 1922 г. и ст. 165 УК РСФСР 1926 г.). Данный документ, тем не менее, не устанавливал различий в части наказуемости норм о хищениях, исходя из формы собственности, подвергшейся посягательству, одинаково указывая на наказуемость похищений как социалистической, так и частной (или личной) собственности советских граждан и общества.

Причем после принятия кодифицированного уголовного закона в 1926 г., ознаменовавшего собой продолжение реформирования советского уголовно-правовой сферы, сохранялась проблема дифференциации краж и грабежей. Такой вывод напрашивается по причине того, что в ст. 166 этого документа вводилась уголовная ответственность на случай кражи лошадей либо другого скота, если такие действия совершались виновным субъектом в отношении трудовых земледельцев. При этом законодатель допустил как насильственную, так и ненасильственную форму посягательства для данных случаев, объединив их в один состав, тем самым уравнив их уголовно-правовые последствия.

Далее необходимо охарактеризовать также такой важный документ как совместное Постановление ЦИК и СНК СССР, датированное 7 августа 1932 года. Его назначением стало усиленное внимание уголовно-правовых средств к вопросам охраны социалистической собственности. Именно после принятия Постановления ЦИК и СНК СССР следует длительный период

доминирования социалистической собственности среди других форм. Крайне суровым образом наказывались факты совершения грабежей для отдельных ситуаций, связанных с посягательствами на социалистическую собственность, вплоть до смертной казни. То есть их общественная опасность ощущалась обществом и государством настолько высоко, что их признавали наказуемыми наравне с государственными преступлениями или преступлениями, посягающими на личность граждан. Если же при расследовании выявлялись смягчающие обстоятельства, то допускалось применение к виновному такого наказания как лишение свободы, пусть даже значительной продолжительностью, но сроки применения которого не могли бы менее 10 лет, причем назначалась также конфискация имущества и лишение права быть амнистированным¹.

В упомянутом Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» не закреплялся исчерпывающий перечень форм хищений, а законодатель ограничился лишь выделением таких форм хищения как кражи, а также присвоение и растрата. Хотя от себя стоит подчеркнуть, что та конструкция, которая была заложена в концепцию хищений, позволяет в целом отнести и грабеж в разряд рассматриваемых посягательств. При этом особо стоит подчеркнуть, что, как видно из текста документа, признавая возможность совершения краж как открыто, так и тайно, законодатель, как следствие, установил поглощение данным составом состава грабежа.

Похищение социалистического имущества продолжает выступать в качестве самостоятельного посягательства, отграниченного от аналогичного преступления в отношении частного имущества, поэтому сохраняется дифференцированное регулирование посягательства на собственность в

¹Бакрадзе А.А. Ответственность за преступления против собственности, совершаемые путем обмана или злоупотребления доверием, по законодательству советского периода 1926 - 1960 гг. / А. А. Бакрадзе. Российский следователь, 2012. –№ 14. – С. 47-48.

зависимости от различных объектов. Подобное решение существовало длительное время, определяя доминирующую линию при определении направления уголовно-правового воздействия для противодействия грабежам.

Можно признать, что и позднее данная практика сохранялась, что видно из содержания Уголовного кодекса РСФСР 1960 года, где выделялось два «грабежа», идентичных с точки зрения признаков, но различных по объекту посягательства, и поэтому разнесенных по разным главам¹.

Указанное положение дел просуществовало до принятия Федерального закона от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»², который объединил данные составы и сделал регулирование унифицированным.

Подобную позицию сохранил и современный законодатель, не разделяя грабежи, как и других посягательства в отношении собственности, исходя из характера ее формы.

Обратим внимание, что и сегодня состав грабежа регулярно подвергается изменениям и корректировкам, хотя они и не носят концептуального характера, а в большей мере выступают в качестве следствия корректировки уголовно-правовой политики (например, введение новых разновидностей уголовного наказания)³.

У нынешнего грабежа имеются два признака, которые позволяют ученым вслед за законодателем говорить о самостоятельности этого посягательства и его специфичности в отношении остальных форм хищения. В частности, это корысть как системообразующий субъективный признак,

¹Малькова И. Ю. Грабеж: Вопросы квалификации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания : Автореф. дисс. ... канд. юри. наук. / И. Ю. Малькова ; Науч. рук. М. С. Рыбак [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/grabezh-voprosy-kvalifikacii-differenciacii-otvetstvennosti-i-individualizacii.html> (Дата обращения: 05.11.2019)

²Федеральный закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР» // Собрание законодательства РФ, 1994. – № 10. – Ст. 1109. – Утратил силу.

³Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография / Н. А. Лопашенко. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – С. 267.

обязательный для всех форм хищений, а также сопряженность с открытым воздействием на имущество, понимаемым самим виновным лицом и другими лицами, ставшими участниками таких преступных событий¹.

При этом сам по себе грабеж стыкуется с насильственными и ненасильственными хищениями, потому что может быть как сопряженным с насильственным воздействием, так и без него. Так, ВС РФ не поддержал осужденного в его позиции, что совершенное им нападение по своим объективным и субъективным признакам подпадает под действие именно ст. 161 УК РФ, поскольку никакого вреда здоровью для пострадавших от его нападения не последовало. Суд сказал, что в случае с разбоем именно физическое воздействие на тело пострадавшего не является обязательным условием квалификации деяния по данной норме, поскольку законодатель при формулировке состава не указал на принципиально физический характер примененного насилия, а потому разбойное воздействие может носить и психологический характер².

Тяжкими являются и последствия этих деяний для общества. Известно, любое открытое преступное поведение, в первую очередь, в котором преступный элемент противостоит конкретной личности (как в случае с грабежами), существенно повышают степень общественной напряженности, ведь граждане, сталкивающиеся с агрессивным поведением, становятся тревожными, поскольку чувствуют собственную незащищенность от преступлений, что в социальном и демократическом государстве недопустимо.

Стоит признать, что данное посягательство, даже не причиняя серьезных повреждений или насильственных страданий, все же представляет собой достаточно опасное посягательство, поскольку его распространенность

¹Алиев Н.Т. оглы Современный грабеж: криминологические проблемы / Н. Т. Алиев [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-grabez-kriminologicheskie-problemy> (Дата обращения: 05.11.2019)

²Определение Верховного Суда РФ от 07.05.2013 № 56-Д13-18 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

в обществе создает негативную атмосферу агрессивных и насильственных форм присвоения собственности. Это обстоятельство позволяет называть грабежи серьезной угрозой нормальному развитию экономических отношений¹.

Итак, изучив историю введения уголовной ответственности за грабеж, можно заметить, что в разные периоды отношение законодателя к данному уголовно-правовому феномену не было одинаковым: этот состав преступления то был декриминализован, то признавался уголовно-наказуемым вновь. Это можно объяснить тем, что в отдельные периоды истории тайное завладение имуществом признавалось более тяжким для общества преступлением, чем открытое.

1.2. Современное уголовное законодательство о грабеже

Несмотря на определенную схожесть факторов и условий, в которых формируются уголовно-правовые запреты в различных зарубежных странах, им свойственна собственная специфика, позволяющая выделять особенности правового регулирования отдельных уголовно-правовых составов. Такие отличия позволяют проводить сравнительно-правовые исследования с целью определения апробированных на иной почве практик установления уголовной ответственности за те или иные уголовно-наказуемые деяния.

Не является исключением в этом смысле и уголовно-правовой состав рассматриваемого в рамках настоящей работы грабежа. В частности, если рассматривать практику установления уголовно-правовых норм в Германии, то можно увидеть, что, в отличие от российской законодательной традиции, закрепление самостоятельного состава грабежа здесь отсутствует и более

¹ Алишейхов Г. М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты грабежа / Г. М. Алишейхов. По материалам Республики Дагестан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. [Электронный ресурс] //URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/ugolovno-pravovye-i-kriminologicheskie-aspekty-grabezha-po-materialam-respubliki.html> (Дата обращения: 05.11.2019)

того, даже не применяется сам термин, не разделяются кражи или грабежи. Хотя нельзя сказать, что этому правопорядку посягательства на собственность, насильственные или нет, неизвестны. В Германии среди составов посягательств часть посягательств похожи на опасную кражу, и часть – на менее опасный разбой. То есть, в отличие от УК РФ, состав грабежа размыт между кражами, не предусматривающими насильственного воздействия, и разбоями, напротив, отличающимися насильственностью¹.

Интересно также уделить внимание положениям уголовного законодательства Испании, где также, аналогично германскому, грабеж не считается в качестве самостоятельного наказуемого деяния, используя и аналогичную методологию его поглощения теми же посягательствами. Тем не менее, здесь обнаруживается определенная специфика в том, что законодатель ввел своеобразную грань в рамках похищений имущества, а также применением насилия в отношении вещи (то есть предполагается именно имущественное, а не физическое насилие как таковое), и не сопряженное с применением такового (ст. 238 Кодекса)².

Продолжая изучать уголовно-правовой запрет на совершение открытой кражи чужого имущества в соответствии с предписаниями иностранных законодательных документов в этой области, мы переходим к положениям Уголовного кодекса Швейцарии, который также не предусматривает различий между скрытностью и открытостью хищения чужого имущества, а различия в тексте «поделены» между воровством и грабежом. Если в УК РФ квалифицируется только использование оружия, то швейцарский законодатель в числе обстоятельств, повышающих ответственность за совершение этого преступного деяния, ссылается на тот факт, что виновный имеет огнестрельное оружие и другое «опасное оружие». И наоборот,

¹Гриб В.Г. Особенности противодействия совершению тайных хищений автотранспортных средств в некоторых зарубежных странах / В. Г. Гриб, Р. Э. Адамян. Международное публичное и частное право, 2015. – № 2. – С. 41-43.

²Жариков Ю.С. К вопросу о месте юридического факта в уголовно-правовом регулировании / Ю. С. Жариков. Российский следователь, 2012. – № 19. – С. 18-22.

имущественное преступление в форме кражи против родственника становится поводом для уголовного преследования только в том случае, если жертва дает показания. Такое разграничение не регулируется УК РФ.

В США не существует системного подхода к регламентации преступлений, аналогичным рассматриваемым, которыми свойственны те же признаки (открытый характер действий лица и применение не относящегося к жизненно опасному виду насилия жертвы), а также уголовный закон в целом не кодифицирован. Тем не менее, уголовное законодательство США содержит ряд правил, которые позволяют определить подходы к регулированию соответствующих преступлений. Так, в разделе 18 Кодекса законов глава 103 упоминается как «Грабеж и кража со взломом». В § 2112 говорится: «Тот, кто грабит другого человека, захватывая движимое имущество, наказывается лишением свободы на срок до 15 лет». Ряд других норм гласит, что такое преступление совершается «путем насилия или запугивания». Более подробная информация о таких вопросах регулируется штатами.

Кража интерпретируется американским законодателем очень широко. Тем не менее, есть некоторые положения о грабеже. Состав этого преступного деяния против собственности в Уголовном кодексе штата Нью-Йорк дан целой группой норм под общим названием «Ограбление» (статья 160). В соответствии с § 160.00 «Грабеж – это насильственное воровство. Лицо насильственно похищает имущество и совершает ограбление, если во время кражи он использует или угрожает немедленно применить физическую силу против другого лица с целью: 1) предотвратить или преодолеть сопротивление захвату имущества или удержание его сразу после его захвата; 2) заставить владельца этого имущества или другое лицо отказаться от этого имущества или совершить иное поведение, способствующее совершению грабежа». Без отягчающих обстоятельств этот преступный акт представляет собой грабеж третьей степени. Ниже приведены подробные квалифицирующие признаки, которые возникают, если: ему (преступнику)

помогает другое лицо, присутствующее на месте преступления; нанесение телесных повреждений любому человеку, который в преступлении не участвует; обнажает огнестрельное оружие – грабеж второй степени; серьезный вред причинен здоровью человека, не являющегося участником преступления; преступник вооружен «смертельным» оружием; использует опасное оружие или угрожает использовать его немедленно – грабеж первой степени¹. Как видно, отягчающие обстоятельства описаны достаточно подробно.

Итак, проведя сравнительно-правовое исследование, мы можем прийти к выводу, что в целом в зарубежных странах не принято выделять разбой как самостоятельное преступное деяние, ущемляющее собственность, и соответствующие признаки, в отличие от российского уголовного законодательства, которое будет подробно рассмотрено в следующей главе настоящей работы.

Мы отметили, что иностранное уголовное законодательство в значительной степени детально регулирует квалификационные характеристики уголовных преступлений, связанных с растратой, некоторые из которых заслуживают внимания отечественного законодателя.

¹Петров А.В. Преступление по уголовному праву США / А. В. Петров. Законность, 2014. – № 6. – С. 56-61.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАБЕЖА

2.1. Характеристика объекта и объективной стороны грабежа

В качестве отдельной категории, категория собственности является предметом изучения значительного количества различных отраслей научного знания, каждая из которых исследует определенную ее грань применительно к достижению отраслевых задач.

В уголовном праве происходит охрана отношений собственности, одним из отдельных объектов, подпадающих под защиту уголовно-правовыми нормами. При этом исследователями подчеркивается, что в качестве родового объекта преступных посягательств на собственность признаются экономические отношения собственности, включающие в себя производственные отношения¹.

В исследованиях отдельных специалистов уточняется, что в качестве «главного объекта преступлений против собственности являются экономические отношения, которые смогут обеспечить материальное благосостояние не только общества, но и личности, и государства»².

При этом, принимая во внимание расположение нормы о составе грабежа в структуре гл. УК РФ о посягательствах на собственность, становится очевидным и видовой объект данного преступления, которым выступает собственность либо охраняемые государством отношения собственности.

Традиционно принято считать, что в уголовно-правовой сфере собственность должна рассматриваться с трех позиций:

¹Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография / Н. А. Лопашенко. М.: Норма, Инфра-М, 2012. – 528 с.

²Прохорова М.И. Место грабежей и разбоев в структуре корыстно-насильственной преступности / М. И. Прохорова. Российский следователь, 2012. – № 19. – С. 30-34.

во-первых, собственность рассматривается в качестве экономического отношения¹;

во-вторых, собственность выступает в качестве правовой ценности (здесь право собственности трактуется в его гражданско-правовом субъективном смысле)²,

в-третьих, собственность рассматривается в качестве экономического отношения и права собственности³.

Собственностью в качестве экономической категории охватывается чрезвычайно обширный пласт общественных отношений, существующий в рамках экономической сферы. Существование таких обуславливает ограниченность экономических ресурсов, которые воспроизводятся в процессе осуществления деятельности определенного круга индивидов и организаций. Современными экономическими исследованиями объект собственности в большей мере связан с отношениями по использованию различного рода материальных либо нематериальных благ, нежели чем с самими материальными предметами.

В научных источниках по этому поводу высказана позиция о том, что при определении объекта собственности с позиций экономической теории необходимо учитывать его широкую трактовку, включающую в определение не только разнообразные материальные предметы овеществленной формы, но также и различного рода результаты деятельности, как материального, так

¹Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: монография / А. А. Амангельды, О.А. Беляева, А.Н. Варламова и др.; отв. ред. А.В. Габов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2016. – 384. – С. 241 - 244.

²Армяков А.А. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. – С. 134.

³Чердакова Л.А. Собственность и право собственности: проблема соотношения понятий / Л. А. Чердакова. Российская юстиция, 2016. – № 5. – С. 14-16.

и нематериального свойства, которые могут оказаться предметом товарного оборота¹.

Из сказанного следует, что при обращении к экономическому пониманию собственности для нужд уголовно-правовой сферы происходит недопустимой расширение сферы пределов толкования объекта уголовно-правовой охраны ввиду включения сюда всей системы отношений, даже тех, которые складываются независимо от человека, а также не требуют осуществления их защиты правовыми средствами.

В этой связи, при использовании экономического толкования собственности происходит существенное расширение и сферы уголовно-правового регулирования, поскольку под действие соответствующей нормы гл. 21 УК РФ подпадают посягательства в отношении разного рода экономических благ со специфическим содержанием (речь идет о природных ресурсах, энергии, информации и некоторых других)².

Если обратиться ко второй из обозначенных выше позиций, отождествляющих собственность с субъективным правом собственности, то здесь, напротив, можно наблюдать ограниченное толкование сферы применения уголовно-правового регулирования в области охраны собственности. Подобное понимание объекта хищений оставляет за пределами уголовно-правовой защиты интересы лиц, обладающих имуществом на ином, кроме собственности, законном праве (ст. 305 ГК РФ), некоторых обязательственных прав, а также прав наследования.

Следовательно, подобное толкование лишает уголовно-правовой защиты все имущественные отношения, которые отличны от субъективного права собственности, к примеру, права арендаторов и арендодателей, владельцев в рамках ограниченных вещных прав и пр.

¹Тягай Е.Д. Особенности защиты и меры юридической ответственности за нарушение прав собственников недвижимого имущества в США / Е. Д. Тягай. *Lex russica*, 2017. – № 5. – С. 205-216.

²Хилюта В.В. Проблемы доктринального толкования физического признака имущества в уголовном праве / В. В. Хилюта. *Российский юридический журнал*, 2014. – № 5. – С. 155-160.

Специалисты, разделяющие третью точку зрения, считают, что толкование собственности в качестве экономической категории является отличным от права собственности, являющемся юридическим воплощением такого отношения¹. Ими разделяется мнение, что не всякие экономические отношения собственности получают проявление абсолютным субъективным правом собственности, поскольку для правового регулирования таких отношений существуют также и иные институты, не только вещного, но и обязательственного права.

В этой связи, приходится признавать, что сложность данной категории порождает и трудности в толковании ее содержания, в том числе, для целей уголовно-правовой сферы.

В целом специалисты сходятся во мнении о том, что объектом преступлений, посягающих на собственность, к примеру, рассматриваемых в настоящей работе грабежей, являются общественные отношения собственности.

Что касается непосредственного объекта грабежа, то он представляет собой то конкретное отношение собственности, которое подверглось преступному посягательству в конкретном случае. Причем в исследованиях предлагается выделять два вида таких объектов: основной, а также дополнительный. Для конкретного факта грабежа первым из них выступает материализованный объект собственности определенного субъекта, владеющего им на законном праве.

Второй объект получает проявление в рамках квалифицированных составов, где таковым может оказаться здоровье индивида, на чью собственность осуществлялось посягательство, либо неприкосновенность его жилья.

В рамках учения об объекте преступления также традиционно принято характеризовать и предмет посягательства, имеющий в значительном

¹Третьяк М.И. Об объекте преступлений против собственности. М.И. Третьяк [Электронный ресурс] //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obekte-prestupleniy-protiv-sobstvennosti> (Дата обращения: 05.11.2019)

количестве уголовно-правовых запретов, в том числе, для грабежа, уголовно-правовое значение. Причем в исследованиях отсутствует единство в определении содержания данного понятия с точки зрения общей теории уголовного права и, как следствие, учения о конкретных преступлениях¹. Наиболее распространенной точкой зрения можно назвать рассмотрение такого в качестве разновидностей вещей в материальном мире, при воздействии на которую субъектом причиняется вред охраняемым уголовным правом общественным отношениям.

Если анализировать современные публикации по данной проблематике, то можно заметить, что специалистами допускается достаточно широкое толкование предмета преступления, куда включаются всевозможные явления во внешнем мире, которые возможно воспринять, изменить, оценить, зафиксировать².

Гражданско-правовое толкование имущество закреплено в ст. 128 ГК РФ, где не содержится определение такого, тем не менее, в виде перечня приводится его содержание.

Для уголовного права в отношении хищений сложилась трактовка имущества, куда включаются вещи, а также право на имущество.

Стоит признать правомерной позицию о том, что в число предметов хищений можно отнести как вещи, так и обладающие стоимостной оценкой имущественные права, которыми возможно удовлетворять определенные потребности индивидов. Если же говорить об имущественных обязанностях, то здесь очевидно, что таковые в силу своей природы не могут быть изъяты у их носителя и присвоены виновным либо в пользу других лиц.

¹Филатова М.А. Предмет преступления, предусмотренный статьями 174, 174.1 УК РФ / М. А. Филатова. Актуальные проблемы российского права, 2013. – № 10. – С. 1283-1290.

²Калмыков Д. А. К вопросу о необходимости корректировки понятия «предмет преступления» // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: Мат. III рос. конгресса уголовного права / Отв. ред. В.С. Комиссаров [Электронный ресурс] //URL: <http://defence-line.ru/articles/ponjatie-predmet-prestuplenija.htm>. (Дата обращения: 05.11.2019)

Едва ли можно согласиться с озвученной в отдельных источниках позицией об обязательном материальном свойстве, которым должен быть наделен предмет хищений. Косвенно подтверждает необоснованность данного тезиса и позиция законодателя, который описал объективную сторону хищений посредством таких действий, как изъятия и (или) обращения чужого имущества. Применение в данном случае указанных союзов свидетельствует в пользу того, что названные действия необязательно должны реализовываться совместно, возможно их альтернативная реализация.

На этот счет в отдельных работах приводится указание о том, что применительно к завладению правом складывается ситуация, когда физически изъятие имущества не происходит. Подобное обстоятельство имеет место, к примеру, в случае завладения недвижимостью, которую в подавляющем большинстве случаев невозможно перемещать, не причинив ущерб данному имуществу. Здесь завладение имуществом происходит посредством документального оформления перехода прав на нее к виновному или представляемым им лицам, в связи с чем из законного владения пострадавшего лица происходит исключение такого имущества и права на него¹.

Аналогичная ситуация складывается и в тех случаях, когда хищению подвергаются, к примеру, безналичные деньги, размещенные на банковских счетах. Данное право пострадавшего принято характеризовать как обязательственное право требования.

В целом все перечисленные позиции применимы при рассмотрении предметов хищений ввиду наличия у одной из его форм – мошенничества – ярко выраженной специфики в данном вопросе. Что касается остальных форм хищений, в частности, грабежа, то здесь предметом посягательства

¹Скляров С. Уголовная ответственность за хищение недвижимого имущества / С. Скляров [Электронный ресурс] //URL: <https://www.lawmix.ru/comm/6067> (Дата обращения: 05.11.2019)

могут стать исключительно вещи, обладающие стоимостным выражением, по поводу которых складываются отношения собственности.

Для целей практической иллюстрации озвученных тезисов приведем пример из материалов судебной практики.

Так, из опубликованного приговора усматривается, что около 06 часов 30 минут, у Самсонкина Д.А., находящегося на участке местности, под кирпичным пристроем по правую сторону от торгового дома «Лаверна», расположенного по адресу: Самарская область, г. Тольятти, Автозаводский район, ул. Автостроителей, д. 56 «а» с ранее неизвестным ему несовершеннолетним ФИО7, возник преступный умысел на совершение открытого хищения имущества, с применением не относящегося к жизненно опасному виду насилия в отношении последнего. Реализуя свой преступный умысел, Самсонкин Д.А. подошел к ранее неизвестному ему несовершеннолетнему ФИО7 и потребовал от последнего передачи ему денежных средств либо мобильного телефона. Получив от ФИО7 отказ в передаче мобильного телефона, Самсонкин Д.А., с целью открытого хищения имущества, а также подавления воли ФИО7 к сопротивлению, применяя насилие, не опасное для жизни и здоровья, подошел к последнему и нанес ему один удар кулаком правой руки в область груди с левой стороны и один удар кулаком правой руки в область ребер с левой стороны, от чего последний испытал физическую боль. Согласно заключению эксперта №Т от ДД.ММ.ГГГГ ФИО7 были причинены кровоподтеки на туловище, которые не вызывают кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, следовательно, имеют признаки повреждений, не причинившего вреда здоровью (согласно п. 9 «Медицинских критериев определения степени тяжести вреда причиненного здоровью человека»). Пострадавший, опасаясь дальнейшего применения к нему насилия со стороны агрессивно настроенного Самсонкина Д.А., достал из правого кармана надетых на нем джинсовых брюк мобильный телефон марки «Xiaomi Redmi 3 s», после чего Самсонкин Д.А. умышленно, из

корыстных побуждений, с целью материального обогащения, вырвал из рук ФИО7 мобильный телефон марки «Xiaomi Redmi 3 s», стоимостью 10 000 рублей, находящийся в пользовании ФИО7 и принадлежащий ФИО6, с имеющейся внутри сим-картой оператора мобильной связи «Мегафон», не представляющей материальной ценности, на счету которой находилось 250 рублей, принадлежащие ФИО6, открыто похитив, таким образом, указанный мобильный телефон. Затем, Самсонкин Д.А. в продолжение своего преступного умысла, осознавая, что не сможет в дальнейшем распорядиться похищенным мобильным телефоном, в связи с установленным паролем для входа в систему телефона, потребовал от ФИО7 осуществить сброс пароля с аппарата мобильного телефона. После этого, с целью удержания похищенного имущества и дальнейшей его реализации, а также подавления воли ФИО7 к сопротивлению, Самсонкин Д.А., находясь на том же участке местности, нанес ФИО7 один удар рукой в область щеки с правой стороны, а также не менее трех ударов по его рукам, отчего последний испытал физическую боль.

Выполнив требования о снятии пароля с аппарата мобильного телефона, ФИО7 передал его Самсонкину Д.А., после чего последний удерживая похищенный мобильный телефон марки «Xiaomi Redmi 3 s», стоимостью 10 000 рублей, с сим-картой на счету которой находилось 250 рублей, с места совершения преступления скрылся, распорядившись им впоследствии по своему усмотрению¹.

Таким образом, в данном приговоре виновное лицо завладело имуществом – сотовым телефоном, который, кстати, является самым распространенным предметом хищений после денежных средств.

В теории уголовного права сложилась традиционная трактовка предмета грабежа (и остальных форм хищения, когда предметом выступает имущество) с трех сторон: физической, экономической, а также правовой.

¹ Приговор Автозаводского районного суда города Тольятти Самарской области № 1-689/2018 от 20 ноября 2018 г. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jVlfAqsYtblh> (Дата обращения: 05.11.2019)

По этому поводу в трудах И.Я. Фойницкого говорилось, что для предмета свойственно обладание такими признаками, как вещественность, телесность, пространственная расположенность, а также доступность для чувственной перцепции¹. При этом неважно, какими именно органами чувств такая вещь способна восприниматься, главное, чтобы само свойство осязаемости было в наличии.

Данную позицию в последующем подтвердило множество исследователей, акцентируя внимание при описании предмета грабежа именно на телесных свойствах данного конкретного подвергнутого посягательству предмета².

Следовательно, одним из доминирующих свойств предмета грабежа выступает именно признак физического субстрата, доступного чувственному восприятию. Экономическая сторона данного явления акцентирует внимание на стоимостной характеристике соответствующего предмета. В частности, экономическим свойством предмета охватывается возможность такового за счет своего использования удовлетворять те или иные потребности обладателя.

В частности, в одном из дел, сведения о котором опубликованы в открытых источниках, грабитель похитил деньги и одежду потерпевшего. При этом Президиум Архангельского областного суда не признал в действиях виновного лица наличие двух преступных посягательств, отметил, что оба действия были охвачены единым умыслом, пострадало от действий виновного одно и то же лицо. Судом отмечено, что совершенные преступником тождественные деяния, исходя из обстоятельств преступления, были охвачены стремлением к единой цели, потому имело место совершение единого продолжаемого посягательства³.

¹Цит. по: Третьякова Н.С. Лингвистическая характеристика понятия «мошенничество»: история и современность // Уголовное право, 2015. – № 5. – С. 113-115.

²Хилюта В., Бильдейко А. Находка или кража? // Уголовное право, 2014. – № 3. – С. 93-97.

³ Постановление Президиума Архангельского областного суда от 27.02.2013 № 44у-030 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

В исследованиях в качестве примеров нередко можно встретить описание уголовных дел, где среди похищенного имущества были различного рода товарные накладные, квитанции, которые сами по себе имущественной ценности не представляют, но удостоверяют какое-либо право.

Тем не менее, в данном вопросе более справедливой видится позиция тех исследователей, которые считают подобные предметы не как собственно предмет хищения, а как средство совершения посягательства. В данном вопросе аргументированной выглядит позиция Е.Л. Прокументова¹. В действительности, завладение такими предметами не охватывается целью действий виновного, очевидно, стремящегося получить ту выгоду, право на получение которой удостоверяется таким документом.

Переходя к характеристике предмета грабежей с правовой точки зрения, заметим, что ключевая характеристика данной стороны состоит в том, что находящийся в свободном гражданском обороте предмет, имеющий своего законного владельца, выбывает из его фактического обладания, переходя во владение лица, по отношению к которому оно чужое.

Здесь стоит конкретизировать, что чужое имущество – это такое имущество, у которого есть его законный владелец, а незаконно завладевшее им лицо не наделялось на него ни действительным, ни предполагаемым правом. Отсутствие признака причинения ущерба отношениям собственности делает фактически невозможным совершение грабежа в отношении собственного имущества².

Таким образом, в целом подытоживая характеристику предмета грабежей, можно согласиться с мнением, что в категорию такого имущества подпадают исключительно вещи, обладающие телесными и физически

¹Прокументов Е.Л. К вопросу о предмете грабежа / Е. Л. Прокументов [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-predmete-grabezha> (Дата обращения: 05.11.2019)

²Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. - 13-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – С. 481.

осязаемыми свойствами, доступные для чувственного восприятия. Кроме того, такое имущество в обязательном порядке должно иметь экономическую ценность, а также не принадлежать похитившему его лицу ни на каком, действительном или предполагаемом, праве.

Переходя к характеристике объективной стороны грабежа, отметим, что состав грабежа описан законодателем посредством указания рода (хищение), а также видовой специфики (открытый характер действий), присущей действиям видного.

Аналогично с большинством хищений, грабеж сконструирован в качестве посягательства, имеющего материальный состав, ввиду чего в структуре его объективной стороны выделяются следующие элементы:

1) само совершаемое виновным общественное опасное посягательство-деяние, представленное физическими действиями; данный вывод вытекает из описания характера деяния посредством указания на активные действия в виде завладения, изъятия, а также обращения себе в актив;

2) общественно опасные последствия, состоящие в причинение материального ущерба лицу, которое имело на данное имущество законное право;

3) и причинно-следственная связь между ними.

Перечисленные обстоятельства, а также описание диспозиции нормы ч. 1 ст. 161 УК РФ, свидетельствуют в пользу того, что хищение в данном случае специфично тем, что изъятие имущества или завладение им происходит ненасильственно¹.

Поскольку специфику придает именно данный признак, можно согласиться, что видовым отличием от иных форм хищений, например, кражи по ст. 158 УК РФ, выступают особенности способа завладения имуществом².

¹ Безручко Е. Использование термина «насилие» в уголовном законодательстве России / Е. И. Безручко. Уголовное право, 2014. – № 5. – С. 24-26.

² Теплова Д.О. Обман как способ совершения мошенничества: понятие и формы / Д. О. Теплова. Российский следователь, 2012. – № 22. – С. 20-23.

В следственно-судебной практике принято давать характеристику данному способу посредством указания на два критерия, которым он должен соответствовать: объективный, а также субъективный, разница между которыми состоит в том, действительно ли похищение происходит в присутствии третьих лиц и очевидно для них, а также что данное обстоятельство охватывается осознанием и умыслом виновного лица.

Обратим внимание на то, что судебная практика до настоящего времени не устоялась применительно к решению вопроса об уголовно-правовой оценке хищений посредством рывков, когда виновное лицо резким и внезапным действием изымает имущество у пострадавшего лица, которое зачастую не успевает сориентироваться и оценить произошедшую ситуацию ввиду кратковременности активной фазы посягательства¹.

Тем не менее, как показывает анализ материалов судебной практики, такие случаи завладения имуществом являются достаточно распространенными.

К примеру, в период времени с 13.10 ч. до 13.15 ч., Басов О.С. находясь на территории МБУ СШ №72, расположенной по адресу г. Тольятти ул. Автостроителей, 92, имея умысел на хищение чужого имущества, действуя умышленно, из корыстных побуждений, осознавая, что его действия очевидны окружающим, путем рывка открыто похитил у малолетнего ФИО2, ДД.ММ.ГГГГ г.р. сотовый телефон «Soni Experte», стоимостью 3 000 рублей, с находящейся в нем сим-картой Мегафон, не представляющей материальной ценности, принадлежащий ФИО4 С похищенным имуществом Басов О. С. с места совершения преступления скрылся, распорядившись им по своему усмотрению. Своими преступными действиями Басов О.С. причинил ФИО4 материальный ущерб на сумму 3 000 рублей².

¹Хилюта В.В. «Рывок»: проблемы квалификации ненасильственного хищения / В. В. Хилюта. Законность, 2013. – № 10. – С. 48-49.

² Приговор Автозаводского районного суда города Тольятти Самарской области № 1-492/2018 от 12 октября 2018 г. [Электронный ресурс] //URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qXJey9vRYAJR> (Дата обращения: 05.11.2019)

Исследователи достаточно подробно и обстоятельно изучили подобные ситуации, когда происходит внезапное изъятие имущества, а лицо, несмотря на то, что сам по себе факт наличия посягательства осознает и понимает, начальный момент хищения определяет, тем не менее, само по себе похитившее имущество лицо остается для него неизвестным. Хотя факт наличия такого лица и совершенные им действия воспринимаются пострадавшим как факт¹.

Одновременно нельзя не учитывать, что при похищении имущества рассматриваемым способом происходит кратковременное физическое усилие в направлении потерпевшего, в непосредственной близости от него. Не обретая характера насилия, тем не менее, воздействие рывком направлено на имущество и на самого потерпевшего. Следовательно, между подобным воздействием и физическим насилием, не вредящим здоровью, усматривается определённое различие, которое должно иметь юридическое значение².

Между тем, в источниках литературы есть и другие точки зрения на этот счет. В частности, высказываются мнения, что самим фактом совершения такого рывка подтверждается осведомленность лица относительно того, что совершается посягательство, независимо от того, пытается ли пострадавшее лицо спасти свое имущество либо нет. Наличие подобного воздействия подтверждает существование посягательства и, как следствие, делает для потерпевшего и виновного субъекта очевидным факт открытого имущественного вторжения.

Что же касается субъективного критерия, то здесь подразумевается, что для самого виновного лица очевидна противоправность его поведения, а также то, что его действия совершаются открыто. Даже при рывке, в том

¹ Прохорова М.И. Место грабежей и разбоев в структуре корыстно-насильственной преступности / М. И. Прохорова. Российский следователь, 2012. – № 19. – С. 30-34.

²Щербакова Е.О. Грабеж чужого имущества: проблемы уголовно-правового регулирования и противодействия (на материалах Южного федерального округа) / Е. О. Щербакова [Электронный ресурс] //Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/grabezh-chuzhogo-imuwestva-problemy-ugolovno-pravovogo-regulirovaniya-i.html> (Дата обращения: 05.11.2019)

числе, для случаев, когда имеет место различного рода срывание сумок или кулонов, для обоих участвующих субъектов факт открытого воздействия является очевидным.

В одном из своих многочисленных судебных актов по аналогичной ситуации Московский городской суд еще раз обратил внимание на то, что при перерастании кражи в грабеж и осознании данного факта виновным лицом, действия подлежат квалификации по статье о грабеже ввиду открытого характера завладения, которое охватывалось стремлением виновного продолжить посягательство в изменившихся условиях¹.

22.09.2018 года в 22:45 часов Милехин Д.Е., имея умысел на открытое хищение чужого имущества, находясь в магазине «Магнит» по адресу г. Тольятти, ул. Громовой, 40, будучи в состоянии алкогольного опьянения, путем свободного доступа взял, то есть похитил, со стеллажа в торговом зале магазина одну бутылку пивного напитка «BLAZER-Вишня» объемом 1,42 литра стоимостью 54,81 рубля. В продолжение своего преступного умысла Милехин с похищенным товаром проследовал через кассовые терминалы, намереваясь покинуть помещение магазина, но был замечен продавцом-кассиром К. и директором магазина Б. Осознавая, что его противоправные действия стали очевидны для К. и Б., Милехин, не реагируя на требования К. и Б. вернуть товар, с похищенным имуществом с места преступления скрылся, похищенным распорядился по своему усмотрению, причинив АО «Тандер» ущерб на общую сумму 54,81 рублей. Приговором Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области от 19 ноября 2018 г. он осужден по ч. 1 ст. 161 УК РФ².

В другом деле Вишняков А.Р. осужден за покушение на открытое хищение имущества АО торговый дома на сумму 393 рубля 06 коп.

¹Определение Московского городского суда от 06.06.2011 по делу № 22-7642 [Электронный ресурс] //КонсультантПлюс : справ. правовая система.

² Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-448/2018 от 19 ноября 2018 г. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/T9uF0n8vHVoX> (Дата обращения: 05.11.2019)

События имели место 1 августа 2017 года в г. Ярославле. Вишняков А.Р. вину признавал. В апелляционной жалобе адвокат Попова Ю.Н. ставит вопрос об отмене приговора суда и прекращении производства по делу. Она оспаривает квалификацию действий осужденного как грабеж. Ссылается при этом на действующее Постановление Пленума ВС РФ. Указывает, что перерастание кражи в грабеж не происходит, если обнаруженное лицо откажется от своего намерения продолжить хищение. Если лицо бросит похищенное имущество, его действия следует квалифицировать как кражу. Она приходит к выводу о том, что действия Вишнякова следовало бы квалифицировать как кражу, однако, размер похищенного составляет 393 руб. 06 копеек, то есть составляют административное правонарушение. На жалобу защитника представлены возражения государственным обвинителем, который считает, что приговор суда является законным и обоснованным. А доводы стороны защиты подлежат отклонению.

Проверив доводы жалобы по материалам дела, выслушав доводы сторон, суд приходит к выводу о том, что приговор суда является законным, обоснованным и справедливым. Выводы суда о совершении осужденным покушения на открытое похищение чужого имущества основаны на совокупности доказательств, отвечающих требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности: показаниях самого Вишнякова А.Р., данных им входе предварительного расследования с соблюдением всех требований уголовно-процессуального закона и исследованных судом в связи с отказом Вишнякова давать показания в суде, показаниях свидетеля ФИО1, которая наблюдала за действиями Вишнякова, понимала, что он совершает хищение, остановила его за кассовой зоной, потребовала у него рюкзак, стала преследовать удаляющегося Вишнякова, кричала, чтобы он остановился, схватила за рюкзак и рюкзак с похищенным оказался у нее в руке, а Вишняков скрылся. Судом исследовались показания свидетелей ФИО2, ФИО3, ФИО4 и ФИО5. Исследованы материалы дела относительно стоимости похищенного. Таким образом, действия

осужденного, начатые как тайное хищение, переросли в открытое похищение, когда он, будучи уличенным в изъятии чужого имущества, не бросил похищенное, не отказался от продолжения хищения, а стал активно его удерживать, пытался скрыться с похищенным имуществом, однако имущество в результате преследования, было у него изъято¹.

Для примера также можно привести уголовное дело, где преступник заранее обвинялся в совершение грабежа, тогда как признавал себя виновным только в краже, что и повлекло, в конечном счете, изменение приговора апелляционной инстанцией.

Так, по приговору суда Ильин признан виновным в тайных хищениях имущества Ф. 4 августа 2017 г., АО <...> 5 августа 2017 г., ООО <...> 7 августа 2017 г. и покушении на открытое хищение имущества АО <...> 8 августа 2017 г.

Преступления совершены в г. Кургане при изложенных в приговоре обстоятельствах.

В суде Ильин виновным себя по предъявленному обвинению в совершении трех краж признал, в совершении покушения на грабеж признал частично, отрицая открытый характер хищения.

В апелляционной жалобе осужденный просит изменить приговор. Указывает, что его действия по попытке хищения сотового телефона подлежат квалификации как покушение на кражу, поскольку действовал он тайно, момент хищения им телефона никто не видел, продавец магазина стал его преследовать только потому, что лишь заподозрил в хищении уже после того, как он (Ильин) вышел из магазина. Учет рецидива преступлений отягчающим наказанием обстоятельством подлежит исключению из приговора, поскольку он имеет судимость за преступление небольшой тяжести.

¹ Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 28 мая 2018 г. по делу № 22-749/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iGwx9Cf1ZbJf> (Дата обращения: 05.11.2019)

В возражениях на апелляционную жалобу государственный обвинитель, считая приговор законным и обоснованным, просит его оставить без изменения, жалобу – без удовлетворения.

Судом установлено, что Ильин, находясь в торговом зале магазина, с целью тайного хищения чужого имущества, убедившись, что за его действиями никто не наблюдает, похитил сотовый телефон, принадлежащий АО <...>, положив его в карман одежды. Довести свои действия до конца и распорядиться похищенным имуществом Ильин не смог, так как его действия были обнаружены продавцом магазина М. и при попытке скрыться Ильин был задержан.

Давая оценку действиям осужденного как покушение на грабеж, суд указал в приговоре, что осужденный, будучи заподозренным продавцом магазина в хищении, осознавая, что его действия стали очевидны, продолжая удерживать похищенное имущество, пытался с ним скрыться с места преступления.

Так, Ильин, как в ходе следствия, так и в суде, признавал себя виновным только в тайном хищении сотового телефона в торговом зале магазина. Из его показаний следует, что он предпринял все меры для того, чтобы его действия по хищению телефона остались неочевидными для окружающих, сотовый телефон им был похищен только после того, как он убедился, что за его действиями ни продавец, ни находившиеся в магазине граждане не наблюдают. Когда продавец обнаружил отсутствие сотового телефона на столе торгового зала и попросил всех присутствующих не покидать магазин до выяснения обстоятельств пропажи телефона, опасаясь быть разоблаченным, вышел из магазина с целью скрыться. Спускаясь по лестнице на выход из торгового центра, услышал крик «Стой» продавца магазина и его слова «Походу телефон у него». Осознав, что продавец догадывается о нахождении у него (Ильина) сотового телефона, стал убегать, на улице выбросил телефон, был задержан сотрудниками охранного предприятия.

Из показаний свидетелей Н. и Л. следует, что ими на улице был задержан осужденный Ильин в связи с предположением о совершении им противоправного деяния, поскольку за ним бежал мужчина и высказывал требование остановиться.

Таким образом, исследованные судом доказательства свидетельствуют о том, что хищение Ильиным сотового телефона было совершено тайно, очевидцев кражи не было, пропажу телефона продавец магазина обнаружил уже после того, как завладение имуществом состоялось, преследовать Ильина продавец стал только в связи с предположением о совершении осужденным хищения¹.

В целом можно сказать, что такой, казалось бы, достаточно подробно проработанный в научных источниках вопрос, как толкование открытости хищения при грабеже, остается открытым и недостаточно проработанным.

Окончание состава грабежа относится к моменту появления у человека возможности распоряжаться похищенным. Причем в судебной практике на этот счет указывается что момент окончания состава относится к возникновению возможности распоряжаться похищенным в соответствии со своими собственными предпочтениями².

Пермским краевым судом не поддержан вывод относительно перекалфикации действий виновного а с пункта «г» части 2 статьи 161 УК РФ на статью 30, части 1 статьи 161 УК РФ за неоконченного посягательства. Судом отмечено на этот счет, что момент окончания посягательства связывается с изъятием имущества и получением возможности самостоятельно распорядиться этим имуществом³.

¹ Апелляционное постановление Курганского областного суда от 11 января 2018 г. по делу № 22-2589/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/La00FcMbvCLC> (Дата обращения: 05.11.2019)

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 19.03.2014 по делу № 10-3201 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

³ Определение Пермского краевого суда от 29.06.2011 по делу № 22-4435/2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

Ключевым аспектом данной формулы по реальному распоряжению является отсутствие каких-либо существенных препятствий, который бы создали непреодолимую преграду на пути к извлечению доходов или иному материальному удовлетворению потребностей виновного лица. Сам же факт использования такой возможности для юридической квалификации остается индифферентным.

Продолжая рассмотрение объективной стороны грабежа, также подчеркнем, что ранее упоминалось о возможности перерастания преступления, начатого в форме кражи, в грабеж, так как действия преступника становятся открытыми ввиду их обнаружения кем-либо, осознающим противоправный характер поведения.

Е.В. Тарасова приговором Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области осуждена за то, что она в 14.20 час., находясь в состоянии алкогольного опьянения, пришла в магазин «<данные изъяты>» ООО «Торговый Дом «Миндаль»», расположенный по адресу: <адрес>, с целью тайного хищения несвоего имущества. В целях реализации своего преступного умысла, Тарасова Е.В., осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления следствия в виде причинения имущественного вреда собственнику и желая их наступления, воспользовавшись тем, что за её преступными действиями не наблюдают третьи лица, с целью материального обогащения, свободным доступом, тайно похитила с торгового стеллажа пять флаконов шампуня «<данные изъяты>», объемом 400 мл каждый и стоимостью 139,26 рублей за ед. товара, без учета НДС. принадлежащие ООО «Торговый Дом Миндаль», спрятав похищенный товар в имеющуюся при себе дамскую сумку. Затем, имея намерение скрыться с похищенным имуществом с места преступления и обратить его в свою пользу, Тарасова Е.В. прошла мимо кассы к выходу из магазина, не оплатив товар. Противоправные действия Тарасовой Е.В. были замечены сотрудником магазина контролером ФИО4. который потребовал вернуть похищенный товар, однако Тарасова Е.В., не реагируя на требования

ФИО4 и понимая, что её действия, направленные на тайное хищение чужого имущества стали очевидны и понятны, не желая отказываться от своих преступных намерений, реализуя умысел на открытое хищение чужого имущества и не желая расставаться с похищенным, попыталась скрыться с места преступления, однако свой умысел не довела до конца по независимым от её воли обстоятельствам, т.к. была задержана другими контролерами магазина. В результате своих противоправных действий Тарасова Е.В. пыталась причинить ООО «Торговый Дом «Миндаль»» материальный ущерб на общую сумму 696 рублей 31 копейка¹.

Существование проблем в правоприменительной практике потребовало отдельных корректировок Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, что повлекло дополнение его текста п. 14.1, предусматривающим правила квалификации действий лица, если оно участвовало в преступлении в составе группы, но допустило эксцесс, а это, в свою очередь, повлекло перерастание кражи в открытое хищение².

Специалисты не без оснований положительно оценили произведенные нововведения в руководящие разъяснения, указав, что их принятие способно прогрессивно изменить существующую непоследовательную практику в данном вопросе³.

Одновременно подчеркнем, что принцип перерастания не срабатывает в том случае, если имело место применение насилия к пострадавшему уже после того, как он был лишен имущества, а целью такого причинения оказывалось исключительно удержание такого имущества и преодоление сопротивления жертвы. В подобных ситуациях требуется дополнительная квалификация воздействия на физическую неприкосновенность по

¹ Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-450/2018 от 27 сентября 2018 г. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jNzp3Qb5MMbr> (Дата обращения: 05.11.2019)

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 9 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета от 6 марта 2015 г. – № 47.

³ Яни П.С. Вопросы квалификации разбоя / П. С. Яни. Законность, 2015. – № 10. – С. 34-39.

положениям УК РФ о защите личности от причинения вреда ее жизни либо здоровью по соответствующей главе УК РФ.

Таким образом, мы увидели, что самая ярко выраженная специфика у грабежа усматривается именно в признаках, характеризующих способ совершения данного посягательства, который для признания состава преступления грабежом должен быть открытым.

При этом несмотря на чрезвычайную распространенность фактов грабежей в российском обществе, до настоящего времени ни на доктринальном, ни на практическом уровне не решена проблема качественного описания признаков открытого хищения, установление которых обеспечивало бы правильную квалификацию содеянного.

2.2. Характеристика субъекта и субъективной стороны грабежа

Характеризуя субъективную сторону грабежа, можно для начала заметить, что у него не наблюдается в данном вопросе ярко выраженной специфики по сравнению с иными формами хищения, как это было установлено применительно к исследованию признаков объективной стороны данного посягательства. Аналогично с остальными хищениями, для квалификации преступления по ст. 161 УК РФ требуется выявить, что у лица имелся прямой умысел на совершение посягательства, а также он был движим корыстной целью.

В первую очередь, значимым является исследование признаков, которые позволили бы утверждать о наличии у субъекта прямого умысла, что обязательно для квалификации содеянного как грабежа¹:

1. Необходимо, чтобы лицо точно понимало, что оно совершает общественно опасное деяние, в полной мере осознавало происходящее, предугадывало социальную оценку собственного поведения и реакцию

¹ Прохорова М.И. Место грабежей и разбоев в структуре корыстно-насильственной преступности / М. И. Прохорова. Российский следователь, 2012. – № 19. – С. 30-34.

общества на него. Конечно, отнесение своих действий к разряду преступных с пониманием квалификационных тонкостей является достаточно сложной задачей, что может быть под силу не каждому преступник. Тем не менее, нежелательность такого поведения лицо должно осознавать правильно.

Киселев примерно в 02 часа 00 минут, находясь возле магазина «Жемчужинка», расположенного <адрес>, <адрес>, в состоянии алкогольного опьянения, в ходе конфликта с ФИО5, воспользовавшись тем, что у последнего из кармана выпали денежные средства в сумме 550 рублей, имея умысел на открытое хищение чужого имущества, действуя из корыстных побуждений, осознавая, что его преступные действия очевидны ФИО5 и ФИО6, подобрал указанные денежные средства и, не реагируя на законные требования ФИО5, с места преступления скрылся и распорядился ими по собственному усмотрению, причинив ФИО5 материальный ущерб на сумму 550 рублей. Его осудили приговором Автозаводского районного суда Самарской области в г. Тольятти по ч.1 ст.161 УК РФ¹.

2. Лицо понимает, что наступят отрицательные последствия в виде вреда от его противоправного поведения, пусть даже в самом отдаленном приближении, но, тем не менее, он должен понимать, к чему приведет либо способно привести его такое поведение.

Так, 25.07.2018 года примерно в 18:00 часов Бабошин К.А., имея умысел на открытое хищение чужого имущества, находясь в магазине «Пеликан» по адресу г. Тольятти, ул. Громовой, 10А, будучи в состоянии алкогольного опьянения, путем свободного доступа взял со стеллажа возле кассовой зоны, то есть похитил, принадлежащее ООО «Неотрейд» имущество: жевательные конфеты «Skittles» в глазури Фрукты 100 граммов стоимостью 29,25 рублей, «Skittles» Фрукты «Рашн Микс» 100 граммов стоимостью 29,25 рублей, Juicy Fruit Реальный Бабл-Гам в количестве 2 штук общей стоимостью 16,94 рублей, Кит Кат молочный шоколад с хрустящими

¹ Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-690/2018 от 22 октября 2018 г. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8BlnumxKLNZu> (Дата обращения: 05.11.2019)

вафлями 35x40 граммов в количестве 4-хштук общей стоимостью 80,12 рублей. В продолжение своего преступного умысла Бабошин с похищенным товаром проследовал через кассовые терминалы, намереваясь покинуть помещение магазина, но был замечен продавцом Д. Осознавая, что его противоправные действия стали очевидны для Д. , Бабошин, не реагируя на требования Д. вернуть имущество, с похищенным имуществом с места преступления скрылся, причинив ООО «Неотрейд» ущерб на общую сумму 155,56 рублей. Совершение указанных действий повлекло осуждение Бабошина К.А. по приговору Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области по ч. 1 ст. 161 УК РФ¹.

3. Еще одним признаком необходимо назвать стремление или желание виновного лица поступать именно подобным образом, чтобы достичь именно такого результата от своих действий. То есть его преступное поведение носит волево целенаправленный характер.

Рассмотрение приведенных признаков также должно быть дополнено исследованиями корыстной цели, которая присуща всем без исключения хищениям, в том числе, и грабежу.

Однако предваряя исследование собственно корысти, требуется отдельно остановиться на характеристики ценностей, лежащих в основе любой мотивации и мотивов. Категория ценности является одной из самых сложных в психологии, что подтверждает множественность подходов к ее пониманию.

Современными исследователями в данной сфере используется следующая методология: а) разграничивается суть и содержание понятий «ценность», «потребность», а также «цель» и «норма», «целеполагание», «ценностные ориентации» и некоторые другие синонимичные; б) привести систематизацию (классификацию) ценностей (Л.Б. Косова, И.М. Попова,

¹ Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-360/2018 от 8 октября 2018 г. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ptpq6wnMcmb4> (Дата обращения: 05.11.2019)

Н.И. Лапин, М. Рокич, Ш. Шварц и др.); в) определить структуру в ценностях отдельной личности.

Исходя из анализа юридической литературы, можно сделать совокупный вывод о том, что под ценностями нужно понимать то, что самую главную составляющую в механизме взаимодействия культуры и личности, а также личности с культурой. Главная мысль выступает в качестве положения гуманистического подхода, а также «применением самого понятия «ценность» – социальная действительность, а также человеческий мир культуры»¹. Здесь обнаруживается потребность исследования мотивационного процесса, положенного в основу как правомерного, так и противоправного поведения личности.

В русском языке слово «ценность» в соответствии с Толковым словарем русского языка С.И. Ожегова обозначает в одном из своих смыслов важность или значение чего-либо².

Кстати сказать, что сходным образом определяется слово «ценность» (value or worth) и в английском языке, в котором оно согласно Webster's New World Dictionary обозначает то качество какого-либо объекта, которое характеризует его как важный, желанный, полезный или достойный уважения. При этом, как представляется, стоит обратить внимание на то, что согласно английской трактовке данного слова в качестве ценностей могут фигурировать не только субстанции материального мира, но также и различные нематериальные объекты, представленные, к примеру, социальными принципами, целями или стандартами, которых придерживаются (которыми руководствуются) индивидуум, класс, общество и т.п. либо которые восприняты ими³.

¹ Чавчавадзе Н.З. Культура и ценности / Н. З. Чавчавадзе. Тбилиси, 1984. – С. 43.

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд. М., 2009. – С. 1288-1289.

³ Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе / С. П. Маврин С.П. Журнал конституционного правосудия, 2012. – № 3. – С. 1-13.

Также хотелось добавить, что на само внимание обращается на некоторые ценности. А в российской юридической литературе, говорится о том, что предметы материального мира обладают ценностной природой, в это же время и некоторые абстрактные явления, обладают возможностью претворения в жизнь в виде каких-либо принципов, норм, разных идей, стандартов, неповторимых идеалов, средств оценки, целей и пр.¹

В этом смысле систему ценностей вполне можно рассматривать как мир значений, благодаря которому люди приобщаются к чему-то более высокому и непреходящему, чем их собственное эмпирическое существование².

Отталкиваясь от данных трактовок, слово «ценность» в самом широком своем значении возможно воспринимать в качестве обозначения чего-либо ожидаемого либо значимого или полезного для данного конкретного субъекта отношений.

Исследователи подчеркивают, что в таком понимании это «нечто» обычно вызывает к себе положительное отношение и рассматривается как благо, добро или польза, которое может в принципе быть воплощено как в виде материального, так и в виде нематериального объекта³. Однако вне связи с формой внешнего выражения, можно указать что ценность всех названных объектов связывается с доставляемым человеку либо их совокупности, а также обществу либо государству благом, которое они предпочитают в ряду других благ⁴, в силу присущей соответствующему объекту особой значимости, важности или полезности, выделяющих его из массы всех других объектов.

¹ Семенов А.В. К вопросу о ценностной природе конституционных норм / А.В. Конституционное право России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2010. – С. 84, 86.

² Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права / О.В. Мартышин. Государство и право, 2004. – № 10. – С. 5.

³ Философский энциклопедический словарь. Редакторы-составители: Е.Ф. Губский, Г.Н. Кораблева, В.А. Лутченко. М., 1998. С. 313, 348, 360, 554 (Объект, Познание, Предмет, Явление).

⁴ Автономов А.С. Ценность Конституции / А.С. Автономов. Государство и право, 2009. – № 3. – С. 5.

Специалистами указывается, что самыми значимыми с позиций аксиологии выступают моральные ценности, а также правовые ценности, различного рода ценности социальной природы человека, а также иные аналогичные¹.

В работах М. Вебера указывается на толкование ценностей в качестве «установки той или иной исторической эпохи», как «свойственное эпохе направление интереса»², следовательно, нетрудно заметить, что, по мнению данного исследователя, ценностям присуще конкретно-историческое содержание.

В исследованиях же М. Шелера, для ценностной природы индивида указывается свойственным постоянный поиск ценностей на жизненном пути индивида³.

Между тем, социальную значимость представляют не любые ценности, а лишь только те, которые выстраиваются сообразно конституционным приоритетам данного общества, которые они обозначили в Основном законе и тем самым договорились об их приоритетной защите.

Формирование ценностей проходит сложный путь в течение всей человеческой жизни. При этом исследованиями подтверждено, что ввиду неосознаваемого характера многих мотивов, есть основания для вывода, что мотивы, в своей совокупности, не являются тождественными ценностно-нормативной системе личности, пусть и связанные с нею. Причем ценности могут оказаться мотивами, в частности, на бессознательном уровне.

Рассмотрим сущность понятия «корысть».

В словаре С.И. Ожегова корысть определяется как выгода, материальная польза⁴.

¹ Барышков В.П. Аксиология: учебное пособие / В.П. Барышков. Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – С. 4.

² Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисловие П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. – С. 9.

³ Шелер М. Избранные произведения / М. Шеллер. М.: Гнозис, 1994. – С. 339.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. – С. 256.

Корысть (англ. «advantage», «profit») – личная выгода, нажива, один из «популярных» анэтических мотивов¹. По Л.М. Балабановой, анэтические мотивы – это мотивы, в которых нарушения опосредования деятельности затрагивают самый высший уровень регуляции поведения – морально-этические и правовые нормы².

В социологической энциклопедии рассматриваемая нами дефиниция раскрывается следующим образом. «Корысть – отрицательное моральное качество, характеризующее поведение и мотивы человека, который рассматривает свои поступки и взаимоотношения с окружающими с точки зрения материального расчета и выгоды. Корысть тесно связана, в чем-то совпадает с меркантильностью (фр. «mercantile»)»³. С этим определением созвучно понятие корыстолюбие.

Корыстолюбие – отрицательное моральное качество, характеризующее поведение и мотивы человека, который рассматривает и направляет все свои поступки и взаимоотношения с окружающими с точки зрения личной материальной выгоды⁴. Корыстолюбие есть проявление эгоизма в сфере отношения людей к материальным благам. Его социальный смысл состоит в оказании предпочтения личному материальному интересу перед общественным.

Корыстолюбие как явление общественной психологии возникает с появлением частной собственности. В буржуазном обществе оно становится основной движущей пружиной действий людей в сфере общественной деятельности и личных взаимоотношений. <...> Корыстолюбие не сводится к

¹ Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 3-е изд., доп. и перераб. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – С. 245.

² Балабанова Л.М. Судебная патопсихология (вопросы определения нормы и отклонений). [Электронный ресурс] // URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/balab/07.htm> (Дата обращения: 05.11.2019)

³ Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Национальный общественно-научный фонд. Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; главный редактор В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. – Т. 1. – С. 503.

⁴ Румянцева Е.Е. Противодействие коррупции: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Е.Е. Румянцева. М.: Юрайт, 2017. – С. 121.

социально-экономическим условиям, оно имеет одновременно с этим относительно автономные психологические корни и формы выражения¹.

Составители современного словаря конфликтолога А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов определяют корысть следующим образом. «Корысть – страсть к приобретению, к наживе; жадность к деньгам, к богатству, любостязание, падкость на барыши. Корысть – стремление получить личную выгоду, возможно, в ущерб другому или группе (организации). <...> Когда говорят, что человек охвачен корыстью, это означает, что он жадный к богатству, деньгам, личные материальные интересы ставит превыше всего»².

Представляется, следует подчеркнуть, что корысть – это стремление к личной выгоде или выгоде в интересах другого лица, и при этом эта выгода может носить материальный и нематериальный характер.

Проанализируем отношение отечественных авторов к понятию «корысть».

В рамках анализа понятия «корысть» определенного внимания заслуживает коллективная монография, посвященная криминальной мотивации³. Так, в этой монографии В.Н. Кудрявцев определяет корысть как стремление к наживе, накопительству. При этом полагается, что корысть необходимо рассматривать не только с правовой, но и с этической точки зрения как отрицательное свойство человека.

На наличие в общественной жизни корыстной мотивации личности указывают В.Я. Рыбальская, В.В. Лунеев, но при этом понятие корысть ими не раскрывается.

По мнению Л.М. Романенко, корыстная составляющая в поведении работодателей и их полномочных представителей может проявляться при

¹ Соловьев А.В. Конфликт корыстных интересов на государственной и муниципальной службе: природа и способы преодоления: учебное пособие / А. В. Соловьев. М.: Проспект, 2018. – 256 с.

² Анцупов А.Я. Словарь конфликтолога. 3-е изд., испр. и доп. / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов А. И. М.: Эксмо, 2010. – С. 267 - 268.

³ Криминальная мотивация / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1986. С. 16-17

использовании ими социальной технологии господства с целью разрешения социального конфликта¹.

Как полагают А.В. Иванчин и М.Н. Каплин, субъективная сторона служебных преступлений в форме злоупотребления властью и служебным положением, помимо прямого или косвенного умысла, включает специальный мотив – корыстную или иную заинтересованность². При этом не раскрывается ни понятие «корысть», ни понятие «иная заинтересованность», которое, по сути, приравнивается к корыстному мотиву и отождествляется с ним.

При анализе ответственности за корыстные преступления против собственности С.М. Кочои подразделяет эти преступления на корыстные и некорыстные³, но при этом им не раскрывается понятие «корысть». Это не осуществляется данным автором и при рассмотрении цели и мотива такого противоправного деяния, как хищение.

Как отмечается в современных исследованиях, «измененная почти два года назад трактовка высшим судебным органом корыстной цели как признака хищения существенно расширила пределы действия норм об ответственности за соответствующие преступления против собственности»⁴.

Согласно п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» «при решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества, присвоения или растраты суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое

¹ Романенко Л.М. Социальные технологии разрешения конфликтов гражданского общества: экзистенциальные альтернативы современной России на пороге третьего тысячелетия / Л. М. Романенко. М.: Центр конфликтологии ИС РАН, 1998. – С. 140 - 141.

² Иванчин А.В. Служебные преступления: учебное пособие / А. В. Иванчин. Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 44.

³ Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. 2-е изд., дополненное и переработанное / С. М. Кочои. М.: Антэя, 2000. – С. 98.

⁴ Яни П.С. Корысть как признак хищения / П. С. Яни. Законность, 2019. – № 2. – С. 23 - 27; – № 3. – С. 21-25.

имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен». В данной ситуации нужно было найти путь для расшифровки некоторых фраз. Таких как: «Робин Гуд – разбойник», «Деточкин – вор». Какую-либо расшифровку понятия корыстная цель предыдущая редакция Пленума не давала.

В рабочей группе, в которой готовился проект самого постановления, некоторые работники входящие в данную группу подразумевали и считали хищение подразумевает изъятие имущества которое принадлежит собственнику, после чего собственником становится другое лицо содержит какие то нормы ответственности.

Причем данные работники которые состояли (относились) к рабочей группе ссылались на разные разумные вещи, которые по их разумному мнению имели большой подход для определения лично выгоды само понятие «хищение», которое определено где в пункте 1 примечаний к статье 158 УК РФ. Рассматривая данный пункт можно прийти к следующему выводу, что под хищением в статьях уголовного кодекса Российской Федерации можно понимать изъятие безвозмездное и (или) обращение данного имущества (чужого) в пользу того кто виноват или другого лица (данных лиц также называют «третьими лицами», которые получается, что нанесли либо причинили ущерб собственнику данного имущества либо совсем иному владельцу этого же имущества. Работники юридической сферы, обращали внимание на то, что прямо-прямо в законе не ограничен, в связи с чем при хищении имущества, то лицо которое выновно, может совершать данное преступление с целью не только собственного обогащения, но так же любое другое лицо, которое не обязательно будет соучастником или близким ему лицом¹.

Если углубиться в данную проблему, а именно в понимание самой корыстной цели, то можно сделать вывод, что в узком смысле корыстную

¹ Яни П.С. Указ. соч.

цель можно понять, как желание виновника обогатиться за счет того что изымится у кого-то имущество для него самого, и даже не для всекого другого лица, а только лишь для себя самого, либо каких-нибудь соучастников которые могут быть близки виновнику который может быть основан на том самом факте где будет присутствовать дефиниции указания на данную цель.

В дальнейшем она будет присутствовать в каждом хищении, будет помогать сужать круг третьих лиц, где в пользу этих лиц чужое имущество иожет как быть изъято, так и быть обращено в чужое имущество. Тем самым происходит сужение круга третьих лиц, где виновным селовеком обращается в чужаковское имущество и (или) конфискуется.

Если взять виновника с подельниками, прибавить к ним близких лиц, которые при все учете имущественного характера, можно найти в широком смысле согласно пункту 3, статьи 5 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации можно отнести лиц разных, в том числе и близкихродственников, а рассмотрев их материальное благосостояние можно определить ту степень на сколько человеку дорог данный близкий родтсвенник, в силу сложившихся обстоятельств или личных отношений.

Все попытки которые предпринимаются в доктрине показывают нам разделение сам корыстный мотив и корыстную цель между собой, тем самым помогает нам представить, то что они неосновательны, так же как и, то что они носят особый характер, а именно отвлеченный от нужд практики. Все это получается потому, что в судах, как показывает практикаотождествляют все смотря и опираясь на законодателя. Не смотря на это, можно с уверенностью сказать, что правоприменитель может в широком смысле использовать такое понятие как «корыстный умысел»¹, которое понимается как желание либо большое стремление извлечь выгоду, тем самым нажиться на имуществе не принадлежавшем виновнику.

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19 сентября 2017 г. № 47-АПУ17-12 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.

Что касается субъекта данного посягательства, то для признания состава наличествующим требуется исполнение виновному лицу четырнадцати лет. Следовательно, законодатель признает, что с более раннего, чем общеуголовный возраст, субъект способен оценивать значимость запрета на совершение грабежей и недопустимость такого поведения.

В целом для характеристики состава грабежа значимым является описание именно корыстной цели, так как она вызывает наибольшую трудность в уголовно-правовой оценке. Однако в настоящее время в нашей стране в вопросах определения корыстной цели назрели существенные изменения, которые повлекут возможную трансформацию судебной практики на данном направлении, а также корректировке научных позиций по этому вопросу.

2.3. Квалифицирующие признаки грабежа чужого имущества и их применение в судебно-следственной практике

Особенной опасностью обладают грабежи, отнесенные законодателем к разряду квалифицированных составов ст. 161 УК РФ по причине выделения в них тех или иных признаков, которые делают такое посягательство более вредным для общественных отношений.

В частности, Л. Д. Гаухман отмечалось, что даже в современной России, а, возможно даже, в ней особенно, продолжает сохраняться крайне волнительное положение дел, что дает основания отдельным индивидам всерьез опасаясь стать жертвой грабителя. В Российской Федерации до сих пор нельзя сказать, что ситуация в криминальном мире стихла, она до сих пор сохраняется в тревожном состоянии. Хотя и в последние годы произошло снижение самого уровня групповой преступности, ее наисложнейший характер так и не изменился¹.

¹ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. М.: ЮрИнформ, 2015. – С. 86

Я. И. Гишинский в особенной мере подчеркивал то, что особое и специфически определенное место в среде корыстных групповых отводится именно рассматриваемому нами грабежу, т.е. открытое хищение чужого имущества, ответственность за совершение которого предусмотрена в п. «а», ч. 2, п. «а» ч. 3 ст. 161 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (УК РФ). Я. И. Гишинский утверждает, что официальная статистика свидетельствует о том, что произошло значительное снижение количество грабежей совершенных группой лиц, данная статистика была собрана за последние годы в Российской Федерации¹.

Г. Г. Шиханцовым справедливо обращалось внимание, что одним из самых социально опасных посягательств должен признаваться грабеж при его групповом исполнении, в рамках всех посягательств на собственность и права ее обладателей. Особая общественная опасность этого преступления заключается в том, что при его совершении грабителями открыто, т.е. при свидетелях, изымается имущество, на которое они не имеют никаких прав, происходит это с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия. Проблем в которой происходит общественная опасность преступления осложняется еще и тем, что сами грабители, когда как, но зачастую с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, или с угрозой такого насилия, а также организованной группой, совершают рассматриваемое в данной нами работе преступление, который мы называем так называемый «насильственный групповой грабеж»². В виду чего можно согласиться с тем, что этот вид хищения, вступает в активное противоборство с правопорядком в российском обществе и требует адекватного социального и государственного нейтрализатора.

¹ Гишинский Я.И. Преступность в современной России: ситуация, тенденции, перспективы / Я.И. Гишинский [Электронный ресурс] // URL: http://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2005_01_12.pdf. (Дата обращения: 05.11.2019)

² Шиханцов Г. Г. Предупреждение грабежей и разбоев / Г. Г. Шиханцов. – М.: МГУ, 2014. – С. 67

В связи с вышеизложенным, особая актуальность должна быть признана за вопросами и проблемами, касающимися максимально возможного повышения эффективности деятельности по борьбе с различными групповыми посягательствами, имеющими признаки грабежа, корректируя уголовный закон и его карательно-наказательные меры и в целом потенциал.

А. В. Попович подчеркивал, что, в ч. 2 ст. 35 УК РФ законодателем указывается, что же он признает под такой формой соучастия, как группа лиц, какими именно признаками должны обладать субъекты, объединившиеся под общим делом – преступление. Причем, несмотря на отсутствие в ч. 2 указанной нормы упоминания именно исполнителей, правоприменительная практика и юридическая литература в целом единодушны в том, что речь здесь идет именно об исполнителях¹.

А. П. Гавриловым приводится пример относительно того, что Судебная коллегия по уголовным делам Новосибирского областного суда указала: «В действиях неизвестного лица, которое никаким образом не принимало какою-нибудь непосредственного участия в хищении, заключались в том, что давали обещания для оказания самого оказания содействия в сбыте либо продаже контейнера. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 8 Постановления от 27 декабря 2002 г. № 29, содеянное исполнителем не может квалифицироваться как преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в том случае, если вдруг так случилось, что сам организатор, либо лицо способствовавшее грабежу или человек который стал подстрекать непосредственно не участвовали в совершении хищения чужого имущества ранее им не принадлежавшее. В связи с чем, можно добавить, что все неустановленные следствием лица так и не принимали никакого участия в совершении грабежа именно тех товаров из железнодорожного контейнера,

¹ Попович А. В. К вопросу о расследовании уголовных дел о грабежах и разбоях / А. В. Попович. М.: Интернаука, 2018. – С. 33.

тогда в их действиях отсутствует квалифицирующий признак – совершение хищения «группой лиц по предварительному сговору»¹.

Согласно совсем другому решению которое было вынесено вышестоящей инстанцией, которое рассмотрела в своей работе Л. Р. Назаргалиева, суд, давая правовую оценку действиям Еринджакянца и Матвеева, пришел к выводу, что Еринджакянец совершил действия, выходящие за пределы их договоренности о совершении преступления, т.е. признал в действиях Еринджакянца эксцесс исполнителя. Однако, установив данные обстоятельства, суд ошибочно квалифицировал действия Еринджакянца при совершении разбойного нападения на потерпевшего Н.А.А. по признакам и наличию предварительной сговора или договоренности группы людей. В определении можно найти информацию которая хранится в материалах дела, а именно: «Матвейчук присел на пассажирское сиденье автомобиля спереди, а Еринджакянец – на пассажирское сиденье автомобиля сзади, получается он находился позади него (Н.А.А.). Во время поездки на автомобиле Матвеев прикинулся, тем самым сделал вид, что ему стало очень плохо, и поэтому сам Еринджакянец принял решение и стал просить остановить едущую машину. В следствии чего и после того как Н.А.А. остановил машину, Еринджакянец взял двумя руками обхватил его одной рукой которая находилась слева за шею, а другой рукой которая находилась справа стал бить, т.е. наносить ему удары ножом в правую часть груди, тем самым нанес колото-режущие раны. В какой-то момент ему все-таки удалось и получилось выпрыгнуть из автомашины и отскочить в сторону. Матвеев побежал за Еринджакянцем, как замахнулся на Еринджакянца простой деревянной палкой, но он увернулся от этого удара. Затем Еринджакянец стал звать Матвеева, они вместе (вдвоем) забрались в его автомобиль и уехали, а вскоре он сообщил о том, что произошло

¹ Гаврилов А. П. Оптимизация уголовной ответственности за грабеж / А. П. Гаврилов. Ачинск: Ачинский филиал Красноярский государственный аграрный университет, 2017. – С. 310.

диспетчеру». Действия Матвеева квалифицированы судом по п.п. «а», «д», ч. 2 ст. 161 УК РФ¹.

В следствии чего можно сделать вывод, что сам Матвеев, договорился с Еринджакянцем о том, что они будут совершать грабеж, и он будет использовать оружие для завладения имуществом примененное Еринджакянцем насилие, которое будет опасным для жизни и здоровья, и стал согласно новой позиции Пленума Верховного Суда соисполнителем разбоя. Кроме и помимо ссылки на разъяснение Пленума Верховного суда описанного выше, при квалификации преступления следовало учесть, что гражданин Матвеев уже после нападения гражданина Еринджакянца на неизвестного потерпевшего смог нанести ножевые ранения убежал за потерпевшим, да как замамахнулся на него своей палкой, но тот всяк увернулся от самого удара. С учетом сказанного Матвеева следовало бы привлечь к уголовной ответственности за совершение группового все-таки разбоя, а не грабежа.

Итак, по смыслу п. 14.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, если после совершения разбойного нападения одного из лиц, заранее договорившихся совершить кражу или грабеж, другие соучастники присоединились к преступным действиям данного исполнителя в том смысле, что, хотя и не применяли сами к потерпевшему насилие и не угрожали ему, но продолжили совершать хищение, то содеянное из кражи или грабежа переросло в совершение разбоя, в том числе и указанными лицами.

Д. А. Ибрагимов и вовсе отдельно полагал, что в п. 14.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 необходимо внести уточнение, исключив указание на квалификацию содеянного в обсуждаемом случае по признаку совершения преступления группой лиц по предварительному сговору. Тогда как образующаяся в данном случае группа

¹ Назаргалиева Л. Р. К вопросу об уголовно-правовой характеристике грабежа / Л. Р. Назаргалиева. Иваново: Олимп, 2018. – С. 75.

лиц без предварительного сговора окажет влияние не на квалификацию деяния, а на наказание. О чем Пленум говорит в п. 12 рассматриваемого Постановления: «Учитывая, что законом не предусмотрен квалифицирующий признак совершения кражи, грабежа или разбоя группой лиц без предварительного сговора, содеянное в таких случаях должно квалифицироваться (если не установлены какие-нибудь иные квалифицирующие признаки, которые также указываются законодателем) по части первой статьи 161 либо части первой статьи 162 УК РФ. При постановлении приговора, суд в случае выявления наличия к этому законных оснований, урегулированных в части первой статьи 35 УК РФ, может признать выполнение группового посягательства таким составом как обстоятельство, отягчающее наказание, давая в тексте ссылку на пункт «в» части первой статьи 63 УК РФ»¹.

В отдельных ситуациях правоприменительная практика сталкивается с проблемами квалификации в тех случаях, когда необходимо дать законную оценку действиям члена такой группы, если он по каким-либо объективным причинам, например, ввиду его задержания, оказался неспособным распорядиться тем имуществом, которое было похищено с его участием.

Е. Н. Разыграева писала, что правоприменителем принято решение о том, что при подобных ситуациях все же наличествует состав оконченного посягательства, поскольку очевидно, что, несмотря даже на то, что одного из субъектов не удалось задержать, посягательство имело именно групповой характер, а значит достижение его цели – похищение – выступит моментом окончания всего посягательства².

С. А. Верещагин проанализировал судебную практику и указал на то, что групповой грабеж сопровождается открытым изъятием чужого имущества. В этих случаях особенно важно установить, с какой целью

¹ Ибрагимов Д. А. Некоторые проблемы квалификации группового грабежа / Д. А. Ибрагимов. Новосибирск: НГПУ, 2018. – С. 520.

² Разыграева Е. Н. Проблемы расследования грабежей и разбойных нападений / Е. Н. Разыграева. Кемерово: Западно-Сибирский научный центр, 201. С. 70.

виновные стремятся изъять чужое имущество. Если они это делают для того, чтобы завладеть имуществом, с целью обогатиться или таким путем извлечь какую-либо материальную выгоду для других лиц, тогда эти действия следует квалифицировать как совокупность грабежа и другого совершенного им преступления¹.

В тех случаях, когда виновные ставят своей целью открыто завладеть имуществом, которое, по их мнению, является их собственным, то содеянное ими также нельзя рассматривать как грабеж, так как в любом случае, впоследствии выяснится, чье это имущество. Также не будет состава группового грабежа, когда виновные открыто изымают чужое имущество с целью лишь временно воспользоваться им, либо с целью, например, его уничтожения или повреждения. В последнем случае имеет место другое преступление – умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ).

В последнее время возникает масса вопросов, связанных с квалификацией действий лиц, похищающих имущество (по их заявлениям и с представлением «доказательств»), «в целях восстановления справедливости» (возврата долга, помощи обездоленным в связи с задержкой зарплаты и т.п.). Установить корыстную цель в каждом конкретном случае крайне затруднительно, а подчас и невозможно. В подобных случаях необходимо отличать различного рода самоуправные действия в отношении имущества от хищения. Открытое (даже насильственное) изъятие из того или иного имущества лица, совершенное, например, в счет погашения невозвращенного долга, в возмещение стоимости похищенных ранее вещей и т.п., образуют не хищение, а самоуправство, или гражданско-правовой деликт. Если при таком изъятии к потерпевшему было применено насилие, действия виновных лиц должны по совокупности квалифицироваться, как

¹ Верещагин С. А. Актуальные проблемы разграничения кражи и грабежа / С. А. Верещагин. Уфа: Омега Сайнс, 2018.– С. 25.

соответствующее преступление против личности, если данный способ насилия уголовно наказуем.

Таким образом, можно признать в российской правоприменительной практике достаточно обильно продолжают существовать проблемные вопросы квалификации группового грабежа. Стоит с очевидностью и удовлетворением признать, что практически на всех уровнях предпринимаются более или менее удачные попытки решить данные проблемы. Однако, в настоящее время, пожалуй, будет лукавством утверждать о том, что полностью получили адекватное разрешение и регулирование все те проблемы, которые за длительный период правоприменения были здесь накоплены.

Для квалифицированных составов рассматриваемого посягательства специфичен один признак, которым выступает либо факт применения неопасной степени насилия, или же угроза такового в процессе выполнения посягательства.

Таким образом, можно увидеть, что реализация нормы об отдельных квалифицированных составах встречается с некоторыми трудностями, вынуждающими законодателя и правоприменителя искать пути для совершенствования правового регулирования. При этом стоит отметить, что состав квалифицирующих признаков при совершении грабежа существенно отличается от состава, к примеру, кражи.

В этом вопросе стоит обратить внимание, что вызывает обоснованное недоумение то, что при конструировании одного из составов законодатель придал различную степень общественной опасности похищению из жилища, а также их какого-либо хранилища, тогда как при формулировке состава грабежа такие действия уже являются несущими одинаковую социальную вредность и опасность. Едва ли подобный подход заслуживает того, чтобы его поддержали и одобрили. Подобное положение дел свидетельствует о том, что законодателем непоследовательно вносятся корректировки в уголовно-правовое регулирование.

Помимо этого, совершенно неоправданно законодатель отказался от признака значительного ущерба гражданину в случае, когда совершаемая рассматриваемое посягательство.

Поэтому мы предлагаем по ч. 2 рассматриваемой нормы наказывать случаи совершения грабежа, если таковой совершался с предварительным сговором группой субъектов, сопрягая свои действия с посягательством на неприкосновенность какого-либо хранилища, когда гражданину причиняется ущерб в размере значительного, если применялось насилие, которое оказалось не сопряженным с повреждением здоровья до степени опасности либо вредностью для жизни, а также если наличествует непосредственная угроза подобного насилия.

Что касается части ч. 3 той же нормы, то предлагается здесь поместить следующие составы посягательства: если в процессе грабежа допускается проникновение лица жилище, а также если размер похищенного имущества окажется крупным.

Относительно особо квалифицированных составов в ч. 4 то сюда предлагается отнести: а) организованную группу; б) особо крупный размер.

Именно в результате практической реализации подобного решения, как нам представляется, может быть учтена общественная опасность всех существующих признаков грабежа.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ГРАБЕЖА И ОТГРАНИЧЕНИЕ ЕГО ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

3.1. Отграничение грабежа от смежных с ним составов преступлений

Как уже коротко было ранее подчеркнуто, что исследователи сходятся во мнении, с которым необходимо согласиться, что особенность грабежа в первоочередном порядке вытекает именно из избранного преступником способа реализации преступного деяния, которое в случае с грабежом осуществляется открыто¹.

По этой причине стоит признать, что в случае с разграничениями хищений между собой ключевое значение отводится именно способу осуществления посягательства.

Между тем, в случае с конструированием отдельных составов ситуация складывается таким образом, что законодатель намеренно или случайно допускает смешение способов совершения посягательства, в результате чего возникают коллизии в определении квалификации для преступного деяния.

В частности, по этому поводу еще в трудах В.А. Владимирова указывалось на то, что в качестве тайного должно квалифицироваться хищение в том случае, когда собственник присутствует при изъятии имущества, однако же, не понимает в силу психофизиологических особенностей своего организма или состояния сути тех процессов и событий, которые вокруг него разворачиваются².

Следовательно, наличие собственника при происходящем изъятии не делает такую кражу грабежом, хотя на первый взгляд можно было бы

¹ Данилова Б.Г., Цатурян Т.В., Саркисов Р.Р. Способ совершения преступления как квалифицирующий признак преступного деяния / Б. Г. Данилова, Т. В. Цатурян, Р. Р. Саркисов Российский судья, 2013. – № 10. – С. 16 - 18.

² Токарчук Р.Е. Тайное насильственное хищение в теории уголовного права и практике применения уголовного закона / Р.Е. Токарчук. Уголовное право, 2015. – № 1. – С. 96 - 99.

предположить, что критерии открытости выполнены, осознание виновным имеется, потому в наличии грабеж, что является неверным.

Анализируя состав кражи в том виде, в котором его описал законодатель, позволяет прийти к выводу о том, что в объективной стороне этого посягательства специфика, напротив, отражена тайностью изъятия или процесса обращения имущества в собственность лица, что отличает ее от состава грабежа.

Интересно указать на то, что судебным органом в тексте Постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 в достаточной мере подробно приводится описание того, какими признаками характеризуется кража, а какие свойственны для открытого хищений ненасильственного характера.

Так, Вешкин Р.В. совершил грабеж, т.е. открытое хищение чужого имущества. Так, он, около 16.15 часов, находясь в парикмахерской, расположенной по адресу: <адрес>, имея умысел на <данные изъятия> хищение чужого имущества, с рабочего стола путем свободного доступа, похитил принадлежащий ФИО1 Л.В. сотовый телефон «SonyXperia XA1» стоимостью 24 000 рублей, в чехле – книжке черного цвета стоимостью 1500 рублей, с сим-картой «МТС», не представляющей материальной ценности, после чего с похищенным имуществом вышел на улицу. Однако, действия Вешкина Р.В. были обнаружены в момент совершения им хищения потерпевшей ФИО1В., которая, желая остановить его преступные действия и вернуть похищенное, выбежала за последним на улицу, высказав ему требование вернуть похищенный телефон. Вешкин Р.В., находясь на улице, осознавая, что его действия стали носить открытый характер, не реагируя на законные требования ФИО1 Л.В. остановиться и вернуть похищенное имущество, удерживая похищенный сотовый телефон, скрылся с места

происшествия, причинив ФИО1В., материальный ущерб на сумму 25 500 рублей распорядившись похищенным по собственному усмотрению¹.

Аналогичным образом высшая судебная инстанция нашей страны предлагает расценивать случаи, когда присутствующие при совершении изъятия имущества лица требуют от виновного прекратить противоправное посягательство на собственность, однако он продолжает реализовывать свои преступные действия, такое деяние должно квалифицироваться именно как грабеж (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002 № 29).

Мошенничество как форма хищения традиционно понимается как деяние, которое совершается путем обмана или злоупотребления доверием. Оба этих способа имеют достаточно устоявшуюся трактовку в теории уголовного права и судебной практике, которая отражается в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»².

Необходимо отметить, что Г.А. Есаков применительно к данным способам хищения разъясняет, что злоупотребление доверием обычно называется менее распространенным способом хищения, что закономерно придает обману доминирующее значение в понимании мошенничества как преступления³. В целом, традиционные разновидности обмана и способов его доведения до потерпевшего достаточно подробно проанализированы в юридической литературе.

Отграничение грабежа от мошенничества следует осуществлять с учетом того, что, во-первых, при грабеже предметом хищения, как мы пришли к выводу в первой главе настоящей работы, могут быть

¹ Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-558/2018 от 26 сентября 2018 г. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/70WsE4NFMc1k> (Дата обращения: 05.11.2019)

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. - № 280. – 11.12.2017.

³ Есаков Г.А. Расширенная трактовка обмана как способа совершения мошенничества / Г.А. Есаков. Уголовное право, 2015. – № 5. – С. 19-24.

исключительно вещи, при мошенничестве предметом хищения может выступать как имущество, так и право на имущество.

Во-вторых, при грабеже имущество изымается против воли потерпевшего, а при мошенничестве собственник, будучи введен в заблуждение виновным в результате обмана и злоупотребления доверием, сам передает имущество. То есть в обеих формах хищения контакт между виновным и владельцем имущества состоялся, однако, способ завладения таким имуществом является различным.

В-третьих, при мошенничестве имущество преступнику должно передавать дееспособное лицо, причем для осуществления каких-либо юридических полномочий, традиционно входящих в триаду правомочий собственника – владения, пользования, распоряжения. Если собственник передает имущество только для технических функций (в частности, для примерки либо осмотра), такие деяния должны быть квалифицированы как кража либо грабеж, в зависимости от иных обстоятельств дела.

Элементы обмана могут быть и при грабеже, но в мошенничестве обман используется как способ завладения имуществом, а при грабеже – направлен лишь на получение доступа к имуществу.

Последним разграничительным признаком выступает возраст наступления уголовной ответственности, который в случае с мошенничеством установлен на уровне общеуголовного.

Значимым и сложным на практике является разграничение грабежа и разбоя. Особые трудности при разграничении данных составов возникают в том случае, если имеет место насильственный грабеж.

Как известно, оба данных преступления относятся к корыстно-насильственным преступлениям. Причем грабеж находится на стыке насильственного и ненасильственного хищения, поскольку, согласно конструкции, сформулированной законодателем в уголовном законе, грабеж может быть сопряжен либо не сопряжен с насилием; разбой же является, как представляется, самым опасным преступлением из группы хищений, так как

применение или угроза применения жизненно опасного насилия является обязательным признаком разбоя¹.

По этой причине данные преступления отличаются по дополнительному объекту. Так, при насильственном грабеже им является телесная неприкосновенность личности, а при разбое – жизнь и здоровье личности.

В зависимости от интенсивности насилия российский законодатель предусмотрел, что насилие при грабеже не ставит в опасность жизнь и здоровье потерпевшего лица, тогда как при разбое применение жизненно опасного насилия составляет один признаков объективной стороны деяния.

Пермским областном судом было отмечено, давая разъяснения порядка применения п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, что целью угрозы применения жизненно опасного насилия при разбое является не только непосредственное изъятие чужого имущества, но и стремление парализовать волю человека, заставить его отдать имущество нападающему индивиду либо не создавать к тому препятствий, в т.ч. посредством обращения за помощью к другим лицам².

Обратим внимание на то, что при насильственном грабеже физическое или психическое насилие является средством завладения имуществом или удержания уже похищенного имущества. Сказанное означает, что похищение имущества или удержание похищенного находятся в причинной связи с применением насилия к потерпевшему.

Именно насилие призвано сломить волю лица, вынудить к бездействию, пассивности или же, наоборот, к совершению определенных действий, к примеру, передаче имущества преступнику. С другой стороны, даже ненасильственное открытое хищение таит в себе потенциальную угрозу насилия.

¹ Прохорова М.И. Место грабежей и разбоев в структуре корыстно-насильственной преступности / М. И. Прохорова. Российский следователь, 2012. – № 19. – С. 30-34.

² Определение Пермского краевого суда от 26.05.2011 по делу № 22-3646 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

Данные преступления отличаются и по своим последствиям примененного насилия:

– при насильственном грабеже причиняются побои, иные насильственные действия, связанные с причинением потерпевшему гражданину физических болей либо ограничивающие его свободу;

– при разбое же причиняются тяжкий и средней тяжести вред здоровью потерпевшего, а также легкий вред здоровью, вызвавший кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. Отсутствие фактических последствий в виде причинения вреда здоровью потерпевшего, тем не менее, само по себе не может служить препятствием для обвинения в разбое. Важно, чтобы насилие в момент применения создавало реальную опасность для жизни и здоровья потерпевшего.

О том, что разбой может быть тайным, внешне замаскированным, пишут многие авторы¹. При грабеже изъятие имущества «всегда является открытым, при разбое же само изъятие имущества может быть совершено не только открыто, но и тайно, что имеет место при вероломном нападении в отсутствие очевидцев на спящего или любого другого лица, не успевшего осознать факт нападения в результате оглушающего удара сзади, выстрела из засады и т.п.».

В отличие от грабежа, как считает В.В. Хилюта, «насилие при разбое может быть как открытым, так и незаметным для потерпевшего (нападение из засады, подкрадывание к потерпевшему сзади, удар в спину и т.п.)», в то время как «применение пневматического оружия, электрошоковых устройств, газового оружия, искровых разрядников и т.д. отнюдь не всегда

¹ Токарчук Р.Е. Тайное насильственное хищение в теории уголовного права и практике применения уголовного закона / Р. Е. Токарчук. Уголовное право, 2015. – № 1. – С. 96 - 99.

может грозить наступлением последствий, свойственных насилию, опасному для жизни или здоровья»¹.

Кроме того, значимым обстоятельством для разграничения данных составов является то, что грабеж по своей конструкции является преступлением с материальным составом, тогда как разбой – усеченным.

При отграничении грабежа от присвоения и растраты требуется иметь в виду то обстоятельство, что частью 1 ст. 160 УК РФ предусмотрена ответственность за хищение чужого имущества, вверенного виновному.

Объективная сторона преступлений характеризуется обращением чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Разница между названными двумя формами хищения состоит в том, что присвоение – это удержание, виновным чужого имущества, а растрата – его издержание либо израсходование. К примеру, как присвоение либо растрата имущества должно квалифицироваться некое безвозмездное обращение в свою собственность имущества, находящегося в правомерном владении виновного, который в силу должностных обязанностей, договорных отношений или специального поручения осуществлял правомочия по распоряжению, управлению, доставке или хранению (кладовщик, продавец и другие лица).

Таким же образом должно квалифицироваться изъятие имущества, вверенного виновному, путем замены его на менее ценное с целью обращения в свою пользу или пользу других лиц. Действия комбайнеров, шоферов, выразившиеся в обращении в свою собственность или собственность других лиц сельскохозяйственной продукции при уборке урожая и перевозке с поля в хранилище, подлежат квалификации как кража или при отсутствии признака тайности – как грабеж.

Субъект присвоения и растраты, также, как и мошенничества, в отличие от грабежа – это лицо шестнадцатилетнего возраста. Причем субъект

¹ Хилюта В.В. Формы хищения в доктрине уголовного права: Монография / В.В. Хилюта. – М., 2014. – С. 91, 107.

этого преступления является специальным. Субъектом присвоения или растраты может стать только то лицо, которому чужое имущество было доверено. Предметом присвоения, как и растраты, может быть лишь имущество, вверенное виновному, то есть переданное во временное владение. Лицо, которому вверяется имущество, получает его от собственника или иного владельца и отчитывается за него по конкретному документу.

Таким образом, разграничение форм хищения между собой происходит преимущественно по признакам объективной стороны конкретного состава преступления, в частности, по способу завладения имуществом собственника или иного законного владельца.

3.2. Проблемные вопросы квалификации грабежа в судебно-следственной практике

Анализ юридической литературы и правоприменительной практики показывает, что в настоящее время значительное большинство проблем, связанных с квалификацией действий виновных лиц по ст. 161 УК РФ, теоретически или законодательно разрешены.

Тем не менее, это не свидетельствует в пользу того, что все проблемы в данной сфере удалось урегулировать. В частности, в судебной практике с завидной регулярностью возникают проблемы, связанные с квалификацией разбоя или грабежа при расследовании конкретных уголовных дел.

Проблемы квалификации, связанные с разграничением разбоя и грабежа, постоянно находятся в центре внимания как научной общественности, так и правоприменительной практики.

Критические оценки конструкций составов этих преступлений (равно как и всех хищений) со стороны отдельных авторов доходят до категоричных выводов об их дублировании друг другом и отсутствии согласованности.

При этом недостаточно четкое разграничение смежных составов закономерно вызывает судебные ошибки¹.

Попробуем дать оценку некоторым таким вопросам квалификации с позиции проблем региональной следственно-судебной практики.

Разбоем в силу ст. 162 УК РФ признается нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное как с применением жизни опасного насилия, так и с угрозой применения такого насилия. Содержание понятия «насилие, опасное для жизни и здоровья» ни в теории уголовного права, ни в правоприменительной практике вопросов не вызывает. Так, Пленум Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 21 Постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указал, что именно должно пониматься под жизненно опасным насилием, а также по каким признакам судебные органы могут установить, что имеет место именно этот квалифицирующий признак в деянии виновного.

Таким образом, имея в качестве последствий совершенного в целях хищения чужого имущества нападения причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью, вызвавшего соответствующее расстройство, деяния виновного необходимо однозначно квалифицировать как разбой.

Сложнее этот вопрос квалификации решается в тех случаях, если соответствующие последствия не наступили или имела место угроза применения жизни опасного насилия.

В первом случае, когда последствия в виде вреда здоровью не наступили, Пленум Верховного Суда РФ в абз. 3 п. 21 предусмотрел, что преступные действия должны квалифицироваться по ст. 162 УК РФ, если в момент насильственного воздействия оно реально создавало жизненную опасность потерпевшего. Точного ответа на вопрос о том, что есть реальная опасность для жизни или здоровья потерпевшего, в случае применения

¹ Цит. по: Токарчук Р.Е. Пробелы и излишества уголовного законодательства РФ, касающиеся некоторых форм хищения. Пути их устранения // Российский юридический журнал, 2014. – № 3. – С. 78-83.

насилия ни УК РФ, ни названное Постановление Пленума Верховного Суда РФ не содержит.

Однако не должно вызывать сомнений то, что реальная опасность насилия для жизни и здоровья означает возможность наступления последствий в виде причинения тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью. Возможность причинения иного вреда по смыслу ст. 162 УК РФ и Постановления Пленума Верховного Суда РФ опасности для здоровья не представляет.

Степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, определяется в соответствии с Правилами, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522¹ (далее – Правила), и Медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденными Приказом Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н² (далее – Медицинские критерии).

Однако в случае отсутствия преступных последствий в виде вреда здоровью решение вопроса о том, создавало ли насилие «реальную опасность» причинения вреда здоровью, будет иметь оценочный, субъективный характер.

Так, П. Яни говорит о случаях, когда суды признают создающими реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего (но не причинившие фактического вреда здоровью) удар по голове ногой, однократный удар вилкой в область спины (от указанного удара в месте повреждения выступила кровь, возникла царапина) и др.³

¹ Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Собрание законодательства РФ. – 27.08.2007. – № 35. – Ст. 4308.

² Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. – № 188. – 05.09.2008.

³ Яни П. Вопросы квалификации разбоя // Законность, 2015. – № 9. – С. 45-50.

Думается, что, наверное, применив больше физической силы, вилкой можно причинить и тяжкий, и средней тяжести, и легкий вред здоровью. Однако существуют и противоположные примеры, когда при применении насилия действия виновных были переквалифицированы судом с разбоя на насильственный грабеж.

В частности, определением судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 5 марта 2018 г. изменен приговор Ленинского районного суда от 22 ноября 2017 г., согласно которому действия Х. и А., осужденных судом первой инстанции по ч. 2 ст. 162 УК за разбой группой лиц по предварительному сговору с применением предмета, используемого в качестве оружия, к 3 годам лишения свободы каждый, были переквалифицированы на п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК как насильственный грабеж, совершенный группой лиц по предварительному сговору.

Из материалов уголовного дела следовало, что осужденные напали на К., при этом Х. распылил газовый баллончик «Шок» в лицо потерпевшего, нанес кулаками не менее 2 ударов по голове, а А. достал из кармана куртки К. сотовый телефон, после чего они с похищенным имуществом с места совершения преступления скрылись.

Как указал суд апелляционной инстанции, удары кулаками по голове потерпевшего не повлекли причинение вреда здоровью и не создавали реальную опасность для жизни и здоровья потерпевшего в момент применения насилия. Из заключения эксперта следует, что в баллончике содержится «капсаицин», который не относится к сильнодействующим и ядовитым веществам, а является веществом раздражающего действия. Таким образом, в деле нет доказательств того, что газ, находящийся в баллончике, опасен для жизни и здоровья.

Под предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпевшего, а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, в

связи с чем, согласно определению названной судебной коллегии, нет этого квалифицирующего признака разбоя.

При таких обстоятельствах действия осужденных судом апелляционной инстанции были квалифицированы по п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК как грабеж, т.е. открытое хищение чужого имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с применением не относящегося к жизненно опасному виду насилия. Им назначено наказание в виде 2 лет 9 месяцев лишения свободы каждому¹.

Вместе с тем, вывод об отсутствии жизненно опасного насилия, основанный исключительно на том, что распыленный газ не является сильнодействующим и ядовитым веществом, а относится к веществам раздражающего действия, представляется ошибочным².

Согласно п. 23 Постановления Пленума № 29 под предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые материальные объекты, которыми мог быть причинен вред здоровью потерпевшего, а также применение которых создавало реальную опасность для здоровья потерпевшего, например механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами. Заметим, что указанный Пленум ВС РФ не говорит о том, что эти вещества должны быть опасными для жизни и здоровья.

Многочисленные примеры криминальных нападений, сопряженных с отсутствием оговоренных выше последствий насилия, примененного в целях хищения несвоего имущества, недостаточно четкое уголовно-правовое регулирование этого вопроса дают правоприменителям слишком широкие возможности для личного усмотрения.

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска № 1-600/2017 от 22 ноября 2017 г. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uTIK3GakFEYK> (Дата обращения: 05.11.2019)

²Абубакиров Ф.М. Квалификации причинения вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия / Ф. М. Абубакиров. Российский следователь, 2016. – № 13. – С. 17-20.

Приведем еще один пример. Постановлением Советского районного суда г. Новосибирска от 23 июля 2015 г. прокурору района в порядке ст. 237 УПК РФ возвращено уголовное дело в отношении Б., обвинявшейся органами предварительного расследования по п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 122 УК в насильственном грабеже и в заведомом оставлении другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, совершенных при следующих обстоятельствах. 16 апреля 2015 г. в дневное время Б. вместе со свидетелем А. находились дома в гостях у потерпевшей К., где распивали спиртное. В дальнейшем между Б. и К. произошел конфликт, так как последняя отказалась передать Б. деньги из кармана халата, надетого на ней, о чем подсудимой было известно. Б. повалила К. на пол, та ударилась затылком. Затем подсудимая села сверху на потерпевшую, продолжая применять насилие, не опасное для жизни и здоровья, нанесла лежащей на полу К. более трех ударов в область лица, пыталась убрать руки потерпевшей от кармана с деньгами. Подсудимая с корыстной целью угрожала потерпевшей заражением ВИЧ-инфекцией, которой страдала сама, о чем потерпевшей было известно, укусила ее за руку, а также нанесла не менее пяти царапин на лице и руках потерпевшей. К., воспринимая угрозу заражения ВИЧ-инфекцией как реальную, опасаясь за свое здоровье, отпустила карман халата, откуда Б. достала деньги, которые положила в карман своих брюк. Согласно заключению эксперта телесные повреждения не причинили вред здоровью потерпевшей, заражения ВИЧ-инфекцией не произошло.

По мнению судов первой и апелляционной инстанций, квалификация действий подсудимой Б. по п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 122 УК РФ не соответствовала фактическим обстоятельствам дела, а установленные в ходе судебного разбирательства обстоятельства указывали на наличие оснований для квалификации действий подсудимой по признакам более тяжкого преступления, а именно разбойного нападения. При этом суд апелляционной инстанции в Постановлении от 16 сентября 2015 г. указал, что Б., высказав

потерпевшей угрозу заражения ВИЧ-инфекцией, тем самым угрожала ей применением жизненно опасного насилия¹.

Вместе с тем, как уже было отмечено выше, под угрозой применения жизненно опасного насилия понимается угроза не любым насилием, а лишь тем, которое может причинить тяжкий, средней тяжести или легкий вред здоровью. Формально же ни Правилами, ни Медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, заболевание лица ВИЧ-инфекцией к какой-либо степени тяжести вреда здоровью человека не отнесено.

Логика суда, квалифицировавшего действия подсудимой как разбой, понятна, но, руководствуясь ею, можно зайти очень далеко. Например, по такой логике, если бы подсудимая угрожала заразить потерпевшую туберкулезом, гепатитом и даже гриппом, ее действия можно было бы квалифицировать как разбой, что представляется абсурдным.

Правовую неопределенность и субъективизм в принятии решений о квалификации грабежей и разбоев вносит, на наш взгляд, и абз. 6 п. 21 Постановления Пленума ВС РФ № 29, которым руководствовался суд в приведенном примере. Согласно закрепленным в этом абзаце положениям, судебный орган четко определил, какие квалификационные решения должны приниматься в том случае, если выраженная угроза прозвучала неопределенно. в тех случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие, и т.п.

¹ Цит. по: Фалилеев В.А. Проблемы квалификации грабежа и разбоя по признаку опасности насилия для жизни и здоровья // Законность, 2018. – № 10. – С. 36-39.

В целом, завершая рассмотрение вопросов настоящего параграфа, необходимо отметить, что приемлемым вариантом решения указанной проблемы квалификации можно признать изменение конструкции составов посягательств, регламентированных в ст. ст. 161 и 162 УК РФ. В частности, в отдаленной перспективе можно было бы вынести на обсуждение научного сообщества вопрос об исключении из ч. 2 ст. 161 п. «г» УК РФ (грабеж, совершенный с применением не относящегося к жизненно опасному виду насилия либо его угрозой), предусмотрев названный квалифицирующий признак положениями ст. 162 УК РФ (толкая разбой как открытое хищение чужого имущества, совершенное с применением насилия, направленного на подавление воли потерпевшего), соответственно, поделив данные статьи по частям, исходя из степени общественной опасности насилия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение рассмотрения вопросов настоящей магистерской диссертации отметим, что в разные исторические периоды в России законодатель имел различные точки зрения относительно грабежа: этот состав преступления то был декриминализован, то вновь признавался уголовно-наказуемым. Это можно объяснить тем, что в отдельные периоды истории тайное завладение имуществом признавалось обществом более тяжким преступлением, чем открытое.

Зарубежным странам в целом не свойственно выделять грабеж в качестве самостоятельного преступного деяния, посягающего на собственность, причем соответствующие признаки, отнесенные отечественным УК РФ к составу грабежа, перераспределяются зарубежными правопорядками по составам кражи и разбоя.

В современных научных публикациях предложено множество различных трактовок понятия «имущество» применительно к составу грабежа. Этим обусловлено обращение исследователей к соответствующей гражданско-правовой категории, состав которой определен в гражданском законодательстве. Мы ограничились им лишь вещами, поскольку они обладают вещным признаком, состоящим в объективации в пространстве и доступности для чувственного восприятия.

На примерах из опубликованной практики в работе дан анализ объективной стороны состава грабежа, в результате чего получен вывод о том, что, как форма преступного хищения чужого имущества, грабеж характеризуется тем, что, прежде всего, изъятие соответствующего имущества осуществляется открыто, вопреки воле владельца имущества.

В процессе исследования получен вывод о том, что явным для потерпевшего должен быть факт изъятия его имущества, а не личность виновного в этом лица, поскольку на примерах из практики выявлено, что в случае внезапного похищения для пострадавшего от действий виновного

может и не сложиться условий для того, чтобы он разглядел его настолько подробно, что в последующем смог бы дать его подробное описание, достаточное для привлечения лица к уголовной ответственности, причем противоправность поведения осознается, хоть пострадавший гражданин и не успевает получить информацию о его личности.

При рассмотрении признаков грабежа также получен вывод о том, что грабеж в российской законодательной трактовке наделен двумя отличительными специфическими признаками, при помощи которых законодатель его выделил в самостоятельный вид преступной деятельности.

Во-первых, ведущей силой или побуждающей целью такого преступления выступает корысть, стяжательство, эгоистические, собственнические интересы преступника. Они проявляются настолько сильно, настолько выражены у лиц, совершающих эти преступления, что для их достижения применяются дерзкие, циничные, а потому обладающие общественной опасностью средства. Во-вторых, отличительным признаком является то, что грабеж совершается агрессивно, с применением грубости, а иногда и физического насилия, которые не распространяются до пределов разбоя, наказуемого по ст. 162 УК РФ.

Соединение таких признаков формирует представление о сущности и основных признаках современного уголовно-наказуемого грабежа как разновидности преступного посягательства.

В работе при анализе квалифицированных составов грабежа получен вывод, что состав квалифицирующих признаков при совершении грабежа существенно отличается от состава, к примеру, кражи. В частности, в случае с одним составом преступления законодатель совершение хищения с проникновением в жилище считает более общественно опасным, чем с проникновением в помещение или иное хранилище (в случае с кражей, наказуемой по ст. 158 УК РФ), а в другом признает за ними одинаковую степень общественной опасности. Такая ситуация не может быть признана

оптимальной с точки зрения последовательности уголовно-правового регулирования.

Кроме того, по непонятным причинам законодатель не предусмотрел в качестве квалифицированного состава грабежа случаи его совершения с причинением значительного ущерба гражданину.

По этой причине в настоящей работе предлагается редакция перечня квалифицирующих признаков состава грабежа, которая бы отражала иные признаки совершения данного преступления, которые социально обусловлено возвести в ранг квалифицированных составов.

В настоящей работе предложено наказывать по ч. 2 ст. 161 УК РФ случаи совершения грабежа:

- а) группой лиц по предварительному сговору;
- б) с нелегальным проникновением в помещение либо иное хранилище;
- в) с причинением значительного ущерба гражданину;
- г) с применением не относящегося к жизненно опасному виду насилия либо его угрозой;

По ч. 3 ст. 161 УК РФ наказывать случаи совершения грабежа:

- а) с нелегальным проникновением в жилище;
- б) в крупном размере.

По ч. 4 ст. 161 УК РФ наказывать случаи совершения грабежа:

- а) организованной группой;
- б) в особо крупном размере.

Подобное решение, как представляется, позволит учесть общественную опасность отдельных способов и последствий совершения грабежа и упорядочить нормы УК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Российская газета. – 1996. – 25 июня.

3. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». – Собрание законодательства СССР. – 1932. – № 62. – Ст. 360. Утратил силу.

4. Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Собрание законодательства РФ. – 27.08.2007. – № 35. – Ст. 4308.

5. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. – № 188. – 05.09.2008.

Судебная практика

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 16.05.2017) // Российская газета. – № 9. – 18.01.2003.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 9 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета – 6 марта 2015 г. – № 47.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»// Российская газета. – № 280. – 11.12.2017.

9. Определение Верховного Суда РФ от 07.05.2013 № 56-Д13-18 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

10. Апелляционное постановление Курганского областного суда от 11 января 2018 г. по делу № 22-2589/2017. / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/La00FcMbvCLC> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

11. Апелляционное постановление Московского городского суда от 19.03.2014 по делу № 10-3201 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

12. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 28 мая 2018 г. по делу № 22-749/2018. / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iGwx9Cf1ZbJf> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

13. Определение Московского городского суда от 06.06.2011 по делу № 22-7642 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

14. Определение Пермского краевого суда от 26.05.2011 по делу № 22-3646 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

15. Определение Пермского краевого суда от 29.06.2011 по делу № 22-4435/2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

16. Постановление Президиума Архангельского областного суда от 27.02.2013 № 44у-030 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

17. Постановление Президиума Новосибирского областного суда от 22.03.2013 № 44у-104 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

18. Постановление президиума Пермского краевого суда от 27.04.2012 по делу № 44у-149 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

19. Постановление Президиума Сахалинского областного суда от 01.03.2013 по делу № 44у-28/13 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

20. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-690/2018 от 22 октября 2018 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8BlnumxKLNZu> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

21. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-558/2018 от 26 сентября 2018 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/70WsE4NFMCIk> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

22. Приговор Автозаводского районного суда города Тольятти Самарской области № 1-689/2018 от 20 ноября 2018 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jVlFAqsYtblh> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

23. Приговор Автозаводского районного суда города Тольятти Самарской области № 1-492/2018 от 12 октября 2018 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qXJey9vRYAJR> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

24. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-360/2018 от 8 октября 2018 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ptpq6wnMcmb4> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

25. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-448/2018 от 19 ноября 2018 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/T9uF0n8vHVoX> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

26. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска № 1-600/2017 от 22 ноября 2017 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uTIK3GAkFEYK> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

27. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-450/2018 от 27 сентября 2018 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jNzp3Qb5MMbr> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

Монографии, учебники, учебные пособия

28. Абубакиров, Ф.М. Квалификации причинения вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия / Ф.М. Абубакиров. Российский следователь. – 2016. – № 13. – С. 17 – 20.

29. Автономов, А.С. Ценность Конституции / А.С. Автономов. Государство и право. – 2009. – № 3. – С. 5 – 11.

30. Алиев, Н.Т. оглы Современный грабеж: криминологические проблемы. Тест: электронный / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-grabezh-kriminologicheskie-problemy> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

31. Алишейхов, Г.М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты грабежа / Г.М. Алишейхов. По материалам Республики Дагестан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Текст электронный / URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/ugolovno-pravovye-i-kriminologicheskie-aspekty-grabezha-po-materialam-respubliki.html> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

32. Анцупов, А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. – 3-е изд., испр. и доп. / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – М.: Эксмо, 2010. – 652 с.

33. Бакрадзе, А.А. Ответственность за преступления против собственности, совершаемые путем обмана или злоупотребления доверием, по законодательству советского периода 1926 – 1960 гг. / А.А. Бакрадзе. Российский следователь. – 2012. – № 14. – С. 47 – 48.

34. Балабанова, Л.М. Судебная патопсихология (вопросы определения нормы и отклонений). / Л.М. Балабанова. Текст: электронный / URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/balab/07.htm> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

35. Барышков, В.П. Аксиология: учебное пособие. В.П. Барышков. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – 65 с.
36. Безверхов, А. Понятие и виды насилия в уголовном праве России: вопросы правотворчества и правоприменения / А. Безверхов. Уголовное право. – 2014. – № 4. – С. 11 – 18.
37. Безручко, Е. Использование термина «насилие» в уголовном законодательстве России / Е. Безручко. Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 24 – 26.
38. Ванин, Б.Г. Большой психологический словарь / Б.Г. Ванин. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 440 с.
39. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
40. Верещагин, С.А. Актуальные проблемы разграничения кражи и грабежа / С.А. Верещагин. – Уфа: Омега Сайнс, 2018. – С. 25 – 28.
41. Гаврилов, А.П. Оптимизация уголовной ответственности за грабеж / А.П. Гаврилов. – Ачинск: Ачинский филиал Красноярский государственный аграрный университет, 2017. – С. 313 – 315.
42. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М.: ЮрИнформ, 2015. – 316 с.
43. Гаухман, Л.Д., Журавлев, М.П. К вопросу о понятии хищения / Л.Д. Гаухман, М.П. Журавлев. Уголовное право. – 2014. – № 6. – С. 11 – 14.
44. Георгиевский, Э.В. Уголовно-правовая охрана собственности древнерусской православной церковью / Э.В. Георгиевский. Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 1. – С. 33 – 40.
45. Гишинский, Я.И. Преступность в современной России: ситуация, тенденции, перспективы / Я.И. Гишинский. Текст: электронный / URL: http://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2005_01_12.pdf / (дата обращения 05.11.2019 г.).

46. Гончаров, Д.Ю., Гончарова, С.Г. Причинение смерти при крайней необходимости как форма легитимации насилия / Д.Ю. Гончаров, С.Г. Гончарова. Уголовное право. – 2015. – № 4. – С. 8 – 12.

47. Гриб, В.Г., Адамян, Р.Э. Особенности противодействия совершению тайных хищений автотранспортных средств в некоторых зарубежных странах / В.Г. Гриб, Р.Э. Адамян. Международное публичное и частное право. – 2015. – № 2. – С. 41 – 43.

48. Данилова, Б.Г., Цатурян, Т.В., Саркисов, Р.Р. Способ совершения преступления как квалифицирующий признак преступного деяния / Б.Г. Данилова, Т.В. Цатурян, Р.Р. Саркисов. Российский судья. – 2013. – № 10. – С. 16 – 18.

49. Егоров, А.А. Система религиозных преступлений по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / А.А. Егоров. Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1. – С. 55 – 62.

50. Есаков, Г.А. Расширенная трактовка обмана как способа совершения мошенничества / Г.А. Есаков. Уголовное право. – 2015. – № 5. – С. 19 – 24.

51. Жариков, Ю.С. К вопросу о месте юридического факта в уголовно-правовом регулировании / Ю.С. Жариков. Российский следователь. – 2012. – № 19. – С. 18 – 22.

52. Ибрагимов, Д.А. Некоторые проблемы квалификации группового грабежа / Д.А. Ибрагимов. – Новосибирск: НГПУ, 2018. – С. 517 – 522.

53. Иванчин, А.В. Служебные преступления: учебное пособие / А.В. Иванчин. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – 108 с.

54. Калмыков, Д.А. К вопросу о необходимости корректировки понятия «предмет преступления» / Д.А. Калмыков. Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: Мат. III рос. конгресса уголовного права. Текст: электронный / URL: <http://defence-line.ru/articles/ponjatie-predmet-prestuplenija.htm> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

55. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. – 13-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013.

56. Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: монография / А.А. Амангельды, О.А. Беляева, А.Н. Варламова и др.; отв. ред. А.В. Габов. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2016. – 384 с.

57. Кочои, С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. 2-е изд., дополненное и переработанное. / С.М. Кочои. – М.: Антэя, 2000. – 288 с.

58. Кофтун, В.Н. Криминальная мотивация / В.Н. Кофтун. – М.: Наука, 1986. – 304 с.

59. Лопашенко, Н.А. Посягательства на собственность: монография / Н.А. Лопашенко. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – 528 с.

60. Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный) / Н.А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2012.

61. Маврин, С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе / С.П. Маврин. Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 3. – С. 1 – 13.

62. Малькова, И.Ю. Грабеж: Вопросы квалификации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания : Автореф. дисс. ... канд. юри. наук. / И.Ю., Малькова; Науч. рук. М. С. Рыбак. Текст: электронный / URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/grabez-h-voprosy-kvalifikacii-differenciacii-otvetstvennosti-i-individualizacii.html> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

63. Мартышин, О.В. Проблема ценностей в теории государства и права / О.В. Мартышин. Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 5 – 14.

64. Назаргалиева, Л.Р. К вопросу об уголовно-правовой характеристике грабежа / Л.Р. Назаргалиева. – Иваново: Олимп, 2018. – С. 75 – 76.
65. Новиков, В. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с применением насилия / В. Новиков. Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 34 – 38.
66. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1985. – 750 с.
67. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 2009. – 1375 с.
68. Петров, А.В. Преступление по уголовному праву США / А.В. Петоров. Законность. – 2014. – № 6. – С. 56 – 61.
69. Попович, А.В. К вопросу о расследовании уголовных дел о грабежах и разбоях / А. В. Попович. – М.: Интернаука, 2018. – С. 35 – 37.
70. Прокументов, Е.Л. К вопросу о предмете грабежа / Е.Л. Прокументов. Текст: электронный / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-predmete-grabezha> / (дата обращения 05.11.2019 г.).
71. Прохорова, М.И. Место грабежей и разбоев в структуре корыстно-насильственной преступности / М.И. Прохорова. Российский следователь. – 2012. – № 19. – С. 30 – 34.
72. Разыграева, Е.Н. Проблемы расследования грабежей и разбойных нападений / Е.Н. Разыграева. – Кемерово: Западно-Сибирский научный центр, 201. – С. 70 – 73.
73. Рожнов, А.А. Имущественные (экономические) преступления в Судебнике 1550 года / А.А. Рожнов. Современный юрист. – 2016. – № 3. – С. 38 – 48.
74. Романенко, Л.М. Социальные технологии разрешения конфликтов гражданского общества: экзистенциальные альтернативы современной России на пороге третьего тысячелетия / Л.М. Романенко. – М.: Центр конфликтологии ИС РАН, 1998. – 346 с.

75. Румянцева, Е.Е. Противодействие коррупции: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Е.Е. Румянцева. – М.: Юрайт, 2017. – 267 с.

76. Семенов, А.В. К вопросу о ценностной природе конституционных норм / А.В. Семенов. Конституционное право России: Межвузовский сборник научных статей. – Саратов. 2010. – С. 83 – 86.

77. Симонов, В.И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия / В.И. Симонов. Текст: электронный / URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/ugolovno-pravovaja-harakteristika-fizicheskogo-nasilija.html> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

78. Скляров, С. Уголовная ответственность за хищение недвижимого имущества / С. Скляров. Текст: электронный / URL: <https://www.lawmix.ru/comm/6067/> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

79. Соловьев, А.В. Конфликт корыстных интересов на государственной и муниципальной службе: природа и способы преодоления: учебное пособие / А.В. Соловьев. – М.: Проспект, 2018. – 256 с.

80. Соловей, Г.Ю. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Национальный общественно-научный фонд / Г.Ю. Соловей. – М.: Мысль, 2003. – Т. 1. – 694 с.

81. Стус, Н.В. Грамоты как источники уголовно-судебного права Московского государства конца XIV – XVI веков / Н.В. Стус. Российский судья. – 2015. – № 5. – С. 40 – 43.

82. Судебник 1550 г. [Электронный ресурс] / URL: http://www.krotov.info/acts/16/2/pravo_02.htm / (дата обращения 05.11.2019 г.).

83. Теплова, Д.О. Обман как способ совершения мошенничества: понятие и формы / Д.О. Теплова. Российский следователь. – 2012. – № 22. – С. 20 – 23.

84. Токарчук, Р.Е. Значение историко-правовых исследований для поиска оптимальных моделей уголовно-правовых конструкций на примере

форм хищения / Р.Е. Токарчук. История государства и права. – 2015. – № 21. – С. 23 – 28.

85. Токарчук, Р.Е. Особенности эволюции форм хищения в законодательстве императрицы Екатерины II: историко-правовой очерк / Р.Е. Токарчук. История государства и права. – 2012. – № 1. – С. 22 – 26.

86. Токарчук, Р.Е. Понятие разбоя в Правде Русской: историко-правовой очерк / Р.Е. Токарчук. Текст: электронный / URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=61081#0> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

87. Токарчук, Р.Е. Пробелы и излишества уголовного законодательства РФ, касающиеся некоторых форм хищения. Пути их устранения / Р.Е. Токарчук. Российский юридический журнал. – 2014. – № 3. – С. 78 – 83.

88. Токарчук, Р.Е. Тайное насильственное хищение в теории уголовного права и практике применения уголовного закона / Р.Е. Токарчук. Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 96 – 99.

89. Третьяк, М.И. Об объекте преступлений против собственности / М.И. Третьяк. Текст: электронный / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-objekte-prestupleniy-protiv-sobstvennosti> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

90. Третьякова, Н.С. Лингвистическая характеристика понятия «мошенничество»: история и современность / Н.С. Третьякова. Уголовное право. – 2015. – № 5. мС. 113 – 115.

91. Тягай, Е.Д. Особенности защиты и меры юридической ответственности за нарушение прав собственников недвижимого имущества в США / Е.Д. Тягай. Lex russica. – 2017. – № 5. – С. 205 – 216.

92. Тянжин, Т.Б. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Т.Б. Тянжин. – М.: КОНТРАКТ, 2017. – 384 с.

93. Фалилеев, В.А. Проблемы квалификации грабежа и разбоя по признаку опасности насилия для жизни и здоровья / В.А. Фалилеев. Законность. – 2018. – № 10. – С. 36 – 39.

94. Филатова, М.А. Предмет преступления, предусмотренный статьями 174, 174.1 УК РФ / М.А. Филатова. Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 10. – С. 1283 – 1290.

95. Филимонов, Е.Ф. Философский энциклопедический словарь / Е.Ф. Филимонов. – М., 1998. – 576 с.

96. Хилюта, В., Бильдейко, А. Находка или кража? / В. Хилюта, А. Бильдейко. Уголовное право. – 2014. – № 3. – С. 93 – 97.

97. Хилюта, В.В. «Рывок»: проблемы квалификации ненасильственного хищения / В.В. Хилюта. Законность. – 2013. – № 10. – С. 48 – 49.

98. Хилюта, В.В. Проблемы доктринального толкования физического признака имущества в уголовном праве / В.В. Хилюта. Российский юридический журнал. – 2014. – № 5. – С. 155 – 160.

99. Хилюта, В.В. Формы хищения в доктрине уголовного права: Монография В.В. Хилюта. – М., 2014.

100. Чавчавадзе, Н.З. Культура и ценности / Н.З. Чавчавадзе. – Тбилиси, 1984. – 170 с.

101. Чердакова, Л.А. Собственность и право собственности: проблема соотношения понятий / Л. А. Чердакова. Российская юстиция. – 2016. – № 5. – С. 14 – 16.

102. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – М.: Гнозис, 1994. – 206 с.

103. Шиханцов, Г.Г. Предупреждение грабежей и разбоев / Г.Г. Шиханцов. – М.: МГУ, 2014. – 103 с.

104. Щепельков, В. Хищение с применением насилия: всегда ли это разбой или грабеж? / В. Щепельков. Уголовное право. М. 2013. – № 3. – С. 48 – 52.

105. Щербакова, Е.О. Грабеж чужого имущества: проблемы уголовно-правового регулирования и противодействия (на материалах Южного федерального округа) / Е.О. Щербакова. Текст: электронный / URL:

<http://www.dslib.net/kriminal-pravo/grabezh-chuzhogo-imuwestva-problemy-ugolovno-pravovogo-regulirovaniya-i.html> / (дата обращения 05.11.2019 г.).

106. Яни, П.С. Вопросы квалификации разбоя / П.С. Янин. Законность. – 2015. – № 10. – С. 34 – 39.

107. Яни, П.С. Корысть как признак хищения / П.С. Янин. Законность. – 2019. – № 2. – С. 23 – 27; № 3. – С. 21 – 25.

108. Naumov A. V. Russian penal law. Volume 1. General part [Electronic resource] : a course of lectures / A. V. Naumov. — Electron. text data. - Moscow: Volters Kluver, 2011. - P. 365-368 // EBS «IPRbooks» - URL: <http://www.iprbookshop.ru/16798.html> (circulation date: 22.11.2019)

109. Meeting of the legislation of the Russian Federation. — 01.01.2002 No. 1, Art. 19.28.

110. Criminal law of the Russian Federation. General part [Electronic resource]: textbook for universities / N. H. Belokobylsky [et al.]. — Electron. text data. - Moscow: Statute, 2014. - 879 с. // EBS «IPRbooks» - URL: <http://www.iprbookshop.ru/29091.html> (circulation date: 22.11.2019).

111. Criminal code of the Kyrgyz Republic // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527/10?mode=tekst> (circulation date: 12.12.2019).

112. Criminal code of the Republic of Moldova // URL: ex.justice.md/EN/331268 (accessed: 04.10.2019).